

Анна Лерой
Даниэль Брэн

Я ВСЕ УМЕЮ ЛУЧШЕ

Даниэль Брэнн

Я все умею лучше! Бытовые будни королевского гарнизона

<https://litres.ru/74204018>

Аннотация

— Убирайтесь. — В каком это смысле? — В самом прямом. Убирайтесь. — Отсюда? — Здесь.

Главное не победа, главное участие. Принцип, которому я, бывшая спортсменка, следовала всю свою жизнь. Он и привел меня в другой мир, в королевский гарнизон, в тело выпускницы военного колледжа. Монстры из тьмы? Охрана границы? Маршалу гарнизона прежняя я чем-то успела не угодить. Диплом, регалии и папа-генерал не помогут, моя первоочередная задача — привести крепость в нормальный вид.

Бытовое (очень (!) бытовое) фэнтези, милые (не всегда) тварюшки, гарнизон в полном упадке, зрелая и целеустремленная героиня (личный состав ждут испытания), пропаганда ЗОЖ и спорта, загадки и тайны (без них никак).

Обложка Ханна Хаимович.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	47
Глава шестая	57
Глава седьмая	66
Глава восьмая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава первая

— Ненавижу этого козла!

Ручки в бок, глаза горят, щечки покраснелись — столько экспрессии, как будто жизнь стоит на кону.

— И прыгать через него не буду!

— Куда ты денешься, Изотова, — притворно вздохнула я.

— Иначе «тройка», ты же знаешь.

— А физкультура — это вообще не предмет, — скривилась Изотова. Я все так же наигранно покачала головой:

— Не спорю. Зачем будущей звезде соцсетей физкультура, когда есть фотошоп и фильтры? И, кстати, фото в стиле «Инстаграм — реальность» приносят наибольший отклик...

Из шеренги раздались смешки, Изотова покраснела еще сильнее. Я покрутила в руках свисток — больше для остроты, смешки затихли.

— Анна Игоревна, а в волейбол играть будем? — осмелел кто-то из девчонок. — Не хочет, пусть не прыгает, ну ее!

Восьмой «Б», получив команду на нытье, тотчас взорвался воплями:

— И так соревнования отменили!

— Зимой лыж не было!

— А Калистратова тем временем отборочные прошла региональные!

— А на улице вон какой ливень, и что теперь, только по

канату лазить? А эстафета?

— Ти-хо! — крикнула я, понимая, что класс, конечно, расстроен. Школа у нас не спортивная, но — спасибо спонсорам — отгрохали такую площадку и столько закупили инвентаря, что даже заядлые прогульщики успели мне примелькаться.

Если бы только не ливни уже пятый день.

И я посмотрела на апокалипсис, который творился за окном.

— Вы ведь понимаете, что для лыж зима нужна, — сказала я, когда возмущения слегка приутихли. — В горы я вас возить не могу. А снег у нас как подарок.

Зато реки регулярно выходят из берегов, подумала я и всмотрелась в стену ливня. Пока вроде бы никаких нехороших прогнозов, иначе школу бы точно закрыли. А так — ничего удивительного, подумаешь, ливень, ну, шторм, что поделать, такой вот у нас нестабильный климат. Машины не уносит в теплые края — и то хорошо. Туристам вот хуже — они уже успели запрудить улицы, оккупировать все кафе, и от количества экскурсионных автобусов не протолкнуться, пробки по всему проспекту, а что будет через месяц?

Хотя чего гадать, через месяц я закончу уроки, сдам дела и ключи от спортзала и как всегда устроюсь на лето в гостиницу. Опять буду пытаться привить бледным северным дамам любовь к физическим упражнениям, гонять спасателей, чтобы смотрели на море, а не в свои телефоны, судить бес-

хитростные матчи между азартными разновозрастными командами и думать о том, что жизнь моя все-таки удалась.

Ну и что, что мне через пару лет сорок будет. В современном мире это вторая молодость! Ну и что, что за плечами один неудавшийся брак. Не десять же! И работа учителем физкультуры — кто сказал, что это не вершина успеха? Только тот, кто никогда не получал короткое сообщение на мобильный: «Меня взяли!». И ведь это только начало. Рассмотреть в обычном школьнике потенциал будущего чемпиона, раскрыть талант, передать его в опытные руки профессионалов и потом с замирающим сердцем следить, как он выступает на федеральных соревнованиях — кто считает, что это пустяк, никогда не переживал это лично.

У меня вовсе не «нет детей» — я мать-героиня, и каждое первое сентября я внимательно смотрю на взволнованные детские лица. Кто его знает, может быть, спустя десять лет я увижу кого-то из этой шеренги на первом месте Олимпийского пьедестала. Именно так ведь оно и бывает.

— Раз Изотова не хочет иметь красивое спортивное тело, — я три раза хлопнула в ладоши и скомандовала, — делимся на команды! Игорь и Наташа, вы в разные! В разные команды, я сказала! Никаких преимуществ!

— Ну А-анна Игоревна-а-а...

До конца урока оставалось еще двадцать минут — не то чтобы достаточно для полноценной игры, но хватит, чтобы на последнем уроке дети от души размялись. Я прикинула,

что в такой ливень все охотно доиграют, потому что бежать домой под струями воды — удовольствие на любителя. Даже разрешу им немного задержаться, у меня тоже последний урок.

И все равно, хотя это был самый обычный класс, самые обычные школьники, хорошисты, не более, я отмечала перспективы каждого из них. Точность броска, точность передачи, умелое прогнозирование броска противника — да, даже для команды городского уровня этого мало, и все же, все же... У меня давно выработалась привычка приравнять навыки одного к навыкам другого — ну а если развить? Нет, бесполезно, к восьмому классу они уже точно знают, что хотят. Относительно, конечно, больше половины триста раз проклянут выбранную специальность, но на носу ОГЭ и приоритеты расставлены хотя бы на ближайшие пять лет.

— Анна Игоревна, а тут вода.

— Что? — обернулась я, потому что по дрожащему голосу Изотовой, сидевшей на скамье поодаль от двух других освобожденных, я догадалась, что что-то не так. Что-то, что требует реакции немедленно.

— Тут вода. Много уже.

Изотова поджала ноги и смотрела на лужу под скамейкой, туда же пару секунд смотрела и я — эта лужа увеличивалась на глазах.

— Класс! — Два свистка. — Игра окончена, все забирают свои вещи и выходят из зала. Переоденетесь в классе. У нас

прорвало трубу.

Какая, к чертовой матери, труба, когда отопление давно выключено, но паники допустить нельзя. Наверное, где-то что-то переполнилось — не страшно, хотя окна зала как раз на уровне земли и школа стоит немного в низине. Но река намного ниже, поэтому — нет, не страшно.

Пока.

— Не толкаемся, спокойно выходим!

Школьники были огорчены, но против аварии возразить им было нечего. Я смотрела, как один за другим они собирают вещи и выходят из зала — трети уже нет, еще немного.

— Крутиков, Синицина, что сидите? — позвала я освобожденных, и они нехотя поднялись, подхватив сумки. Могли бы уйти домой, но куда там, в такой дождь.

— Анна Игоревна...

— Изотова, собирайся!

Быстрее, потому что мне нужно срочно зайти в учительскую и набрать 112. Мало ли что, но пока в зале дети, оставить их я не имею права и паники допустить не могу.

Последние пять человек. Двое чуть замешкались в дверях, но тоже ушли наконец.

— Изотова, на выход!

Я, еще раз окинув взглядом лужу, быстрым шагом пошла в учительскую. Детские крики стихли, и я очень ясно слышала опасный шум воды за окном.

Соединения не было преступно долго.

— Антон Геннадьевич? — хриплым голосом проговорила я в телефон. — Затопление в спортзале. Детей я вывела.

— Дамба? — выдохнул директор. — Она...

— Понятия не имею. Звоню в МЧС.

— Анна Игоревна? — догнал меня дрожащий голос. Я обернулась и чуть не выругалась.

— Изотова, почему ты еще здесь?..

— Добрый день, диспетчер Симонова, что у вас случилось? — уже слышалось из динамика.

— Изотова, на выход! — чуть повысила я голос, но все же сдержалась. Ситуация и так сложная, тут взрослый растеряться и испугаться может, что говорить о подростке. — Школа на Осенней, сорок три. Затопление спортивного зала, похоже на прорыв дамбы. Дети из зала эвакуированы.

— Поняла вас. Много воды?

— Пока нет, но она прибывает быстро.

Настолько быстро, что я увидела, как мутная, поблескивающая в свете ламп вода уже заползала ко мне в кабинет.

— Анна Игоревна?..

Диспетчер еще что-то говорила, но главное она уже знала. Я сунула телефон в карман, схватила куртку, Изотова тарасилась на меня, как будто ее заклинило, ничего не понимая, переступила с ноги на ногу и уставилась на воду на полу.

— Выходим отсюда, быстро!

Мне было уже наплевать, зачем она осталась в зале. Я выпихнула девчонку в зал под плеск воды, подхватила ее за

плечо, и тут как в замедленной съемке увидела, что вода уже за окнами спортивного зала. В стекло ткнулась толстая ветка, чуть отошла назад, прозрачная преграда неприятно щелкнула. Не успела я взмолиться, что мы должны успеть пробежать эти несчастные десять метров, как окна не выдержали напора.

Все происходило быстро, жутко, неправдоподобно громко. Звон разбитого стекла и шум воды, водоворот под ногами, моментально промокшая одежда и визг Изотовой, которая вырвалась и кинулась к гимнастическому комплексу — к лестницам.

— Изотова, назад!

Или нет. Пусть бежит. Это выход. Здесь от пола спортзала до окон примерно метр, плюс наша предательская низина — еще метр... от силы. А лестницы и вовсе возвышаются на два метра, но нужно еще удержаться. Обычно выше метра наводнение и не поднималось, но... река слишком быстро вышла из берегов и набросилась на здание школы. Не только школы, но и... черт, лучше не думать.

Оглушительно, перекрикивая шум воды, звенел звонок. Детей скорее всего поднимали выше — на второй и третий этажи. Школа выстоит, она еще новая, и это не первый случай, конечно, нет. Вот только в прошлый раз затопило нас летом, когда не было никого. Я подобралась к девчонке сзади, подтолкнула забраться выше, обняла ее и вцепилась руками в перекладины так, чтобы она не сорвалась.

Изотова хныкала. Черта с два, мне нужно немедленно сообщить, что в зале еще остались люди. А вода плескалась уже у наших ног.

— Так. Слушай меня. И пытайся забраться выше. Ты не упадешь, не бойся, я страхую. Главное: держись и помни, что здесь нас вода не достанет.

— Мы утонем, да?

Нет. Мне хочется на это надеяться.

— Нет. Высота потолков здесь достаточная для того, чтобы мы с тобой выжили. Нужно подняться еще на метр, и тогда мы с тобой дождемся спасателей. Только мне необходимо, чтобы ты крепко держалась, пока я позвоню. Хорошо?

Изотова не ответила, но начала подниматься. Вовремя, еще бы чуть-чуть, и мой телефон намок бы безвозвратно.

— Что у вас случилось? — дозвониться получилось не сразу, я мысленно подгоняла гудки, но в итоге кто-то все же взял трубку.

— Школа на Осенней, сорок три, затопление, прорыв дамбы. В спортивном зале два человека на лестницах, пытаются удержаться.

— Поняла вас, спасатели уже в пути.

Я хотела перехватить телефон, но он выскользнул из руки и почил в бурлящей воде. Черт с ним, хотя и стоил немало, главное я сказала. Теперь оставалось ждать, а это было не самым простым испытанием.

— Ты как? — тормошила я Изотову.

— Холодно, — она отвечала тихо и чуть вздрагивала.

— Надо было уйти. Терпи. Все будет хорошо.

Я постаралась сказать это со всей уверенностью. Переохлаждение опасней всего, но на улице плюс двенадцать, температура воды градусов десять. Так что у нас три с половиной часа — если мы только продержимся. Должны продержаться.

Как назло, проблемой была не только вода, еще и промозглый ветер, который выметал все тепло. Сколько мы так висели? Полчаса или уже больше часа? Да нет, максимум каких-нибудь десять минут, но я чувствовала, как постепенно руки теряют хватку, и крепче прижалась к девчонке, нужно было и ее держать. Вода все прибывала, крутилась хищными водоворотами, плескалась о стены, спортзал погрузился в темноту, как будто сейчас поздний вечер, хотя до него еще далеко.

— Еще выше. Давай, поднимайся, — я почувствовала, как мои ноги лизнула новая волна.

— Мы не утонем? — дрожащий голос Изотовой.

— Конечно же, нет.

Мне показалось, что я слышу сирену и громкие голоса за шумом ветра и ливня. Изотова перецепилась выше, я за ней, нога в мокром кроссовке соскользнула, я едва не рухнула вниз. Скинуть бы с ее плеч рюкзак, он мешает, но нет, это слишком рискованно.

— Знаешь что? — бодро сказала я. — Давай еще выше,

вот так. Еще-еще, так высоко, как только сможешь. — Пристегнуть бы ее, только вот чем? — И на следующем уроке я покажу вам все упражнения, которые помогут укрепить мышцы спины и живота. Они не входят в программу, я занимаюсь так с отдыхающими.

— Им помогает?..

— Нет, они слишком много едят...

По стене метались сполохи стробоскопов. Диспетчер передала, что мы тут, значит, спасение рядом.

— Давай я попробую привязать тебя к лестнице. Вот этим шнурком. Перекинь ногу через перекладину, чуть боком, пролезает? Зацепись ею и сиди. Сейчас привяжу. Будет немного больно, но безопасно.

Относительно, все сейчас относительно. Руки ей перетянет, но если мы свалимся в водоворот — шансов на здоровую жизнь еще меньше. Там огромные осколки стекла, палки и бог весть что еще принесло потоком. И я начала осторожно стаскивать с шеи свисток — шнурок плотный и широкий, вес девчонки он выдержит.

— Эй! Есть кто?

— Да-а! — завопила я, чувствуя резкое облегчение. — Мы здесь! Наверху!

Вот и все, мы дождались. Эти люди знают свое дело. А я даже думать не хочу, как они вытащат нас, я просто им верю.

Спасатели что-то кричали, отдавали команды, я умудрилась накинуть Изотовой на руки шнурок и примотать его к

перекладине. Она пищала, но держалась. А я...

А я? Если бы все было так просто, но в анамнезе непрерывные огромные нагрузки, три серьезных перелома и травма позвоночника. Как итог семь операций и конец спортивной карьеры. Несправедливо. Почему мое тело, тренированное, не потребляющее всякое дерьмо, не курящее, не пьющее, прямо сейчас меня так подводит?

Я стояла в одной футболке и закрывала собой девочку от ветра и брызг воды. Виновато переохлаждение, да, но почему сейчас? Позвоночник отозвался резкой болью, пальцы судорожно дернулись, но тут же ослабели, чтобы сжать, пришлось давить их сквозь слезы.

Черт-черт! Мне ведь даже путь в тренеры был заказан, но я смогла... Неужели сейчас не выдержу? Не удержусь?

Крики спасателей я слышала как сквозь толщу воды. Или я уже и оказалась в воде? Мокро, холодно, очень холодно. До такой степени, что хочется умереть. Я смотрела на свои посиневшие руки — что же, если я сейчас их разожму, меня вытащат, а девочка будет открыта стихии совсем недолго. Две минуты, может быть, три. У МЧС обязательно есть врачи и очень хорошая аппаратура. Я уже ничем не рискую, совсем нет.

Две минуты. Полторы. Минута и пятнадцать секунд. Я перестала чувствовать руки, и сердце еле-еле гнало по венам застывшую кровь. Кто-то коснулся моей ноги, кто-то оказался совсем рядом с нами, крепкая мужская рука схватила

запястье Изотовой, и я отпустила перекладину. Я и так держалась из самых последних сил.

Все.

Теперь уже все.

И падая, я успела увидеть, хотя казалось бы, это доли секунды, что никого еще рядом с нами нет. Спасатель как раз садится в небольшую надувную лодку. Я видела, как лодка быстро направляется к нам, что в мою сторону летит оранжевый круг...

А потом был удар, холод и все разом пропало.

Глава вторая

Неужели сдашься?

То ли мне вопрос, то ли мой вопрос, он скользнул по краю уплывающего в темноту сознания и принес с собой... нет, не второе дыхание, так, едва ли намек на него. Но мне хватило. Человек до самого конца хочет жить — инстинкт, один из немногих у человека оставшихся за все время его эволюции. Любое живое существо ставит выше всего свою жизнь... Этот мизер заставил меня, несмотря на холод и тьму, собрать остатки сил и вытолкнуть себя наверх. Тяжело, очень тяжело поддавалась вода — скорее даже грязь. Откуда-то вокруг была гора мягкой грязи, но я об этом не думала, просто лезла за глотком воздуха. Давай, Анна Игоревна, вытягивай себя, цепляйся за жизнь, борись, ты можешь, мастерами спорта так просто не становятся! Ты еще можешь! Ты можешь все!..

И вот мое непослушное, удивительно тяжёлое тело выскользнуло вверх. Сладкий воздух в легких, резкое головокружение, глаза залеплены грязью, в ушах тоже ничего приятного, да и вообще...

Но звук я услышала, такой знакомый, что-то вроде «держитесь», и, не протирая глаз, сразу поползла в ту сторону, откуда слышался этот чудный звук. Спасателей ждать — иногда на такую роскошь времени нет. И я забарахталась, пытаюсь найти опору в жидком безумии.

Удивление еще мелькнуло в мыслях — я же в школе должна была быть, откуда грязь и явный запах ила с душком болота, не вынесло же меня наружу? Где лодка, где лестницы, да и вообще должно было многое плавать — да те же мячи, пусть толку от них немного. Но изумление могло и подождать, сейчас спасут, окажусь на твердой поверхности и тогда все вопросы задам. Может, река натащила песка и земли?.. Инвентарь смыло? И где Изотова?..

— Госпожа! Ох, госпожа Аннет, сейчас-сейчас! — причитания наконец обрели для меня смысл. Точнее, стали различимы... и тут же этот свой смысл потеряли. Ладно бы ещё услышать «женщина» или «дамочка», да я бы сейчас и на «бабушку» была согласна, лишь бы вытащили. Но «госпожа»? Иностранцы, что ли, работают — обмен опытом, а почему у нас, почему не в столицах? И вроде бы речь без акцента...

Чужая рука схватила меня чуть выше запястья. Потом к ней прибавилась еще одна пара рук, в меня вцепились, потянули как ту репку и выдернули из толщи с громким уханьем. Я закашлялась и замерла, лежа на боку, как большой кит, выброшенный на берег. Грудь тяжело двигалась, но что-то было не так. Я шевельнулась с осторожностью, но ничего не болело, хотя после таких нагрузок должны привычно отваливаться и спина, и руки, а после бултыхания в холодной воде — сводить судорогами еще и ноги.

Но беспокоила меня не боль, что-то другое. К тому же бо-

ли не было.

Точнее: был дискомфорт — неприятные ощущения от того, что я мокрая, плохо пахну и вообще в грязище. Но мне ли жаловаться, когда меня спасли? Где Изотова, только этого еще не хватало!

Что не так, кроме причитающего иностранца со своим «госпожа, госпожа, как же это вы так». Ладно, сейчас глаза открою и все пойму.

Я тяжело села, тело казалось распухшим, неповоротливым, тяжелым, хотя обычно все было наоборот — оно должно было болеть, но двигаться легче. Даже не знаю, что лучше-то...

— Сейчас, сейчас воды принесут, — подхватили меня под локоть чужие руки, помогли сесть. — Вот ручки-то вытяните, умыться. Как же вы так, госпожа, Кайт же говорил, что склон там скользкий, что не стоит ходить так далеко. Дались вам те кустики. Сходили бы по-походному в карете...

Что за бред?! Я хотела потряхнуть головой, но перед глазами протекла мутная пелена и, к счастью, моментально исчезла.

Но на подставленные ладони уже лилась вода, я скоро плеснула на лицо, потом еще раз, протерла хорошо глаза, быстрыми движениями сметая с себя грязь. И чем дальше я терла щеки, тем больше понимала — странности не просто никуда не делись, я сама и есть одна сплошная странность. Уж что, а свои щеки и нос я бы узнала. А тут... Я широко распахнула глаза, как только это можно было сделать, и уста-

вилась на собственные руки. Мозоли никуда не делись, и это все, что связывало мои родные руки и те, которые я сейчас видела перед собой.

Эти были... молодыми, иначе и не назвать. И слегка пухлыми.

Осознание пришло со скоростью молнии: я ущипнула себя за живот — и нашла этот самый живот. Не чрезмерный, но складочка плотненькая. И бедра были, и жирок на руках. Правда, когда я сжала кулак, то ощутила, как напряглись пристойные такие мышцы. Ощущение было такое, как если бы я закончила свою спортивную карьеру не травмой, а просто вышла на пенсию и перестала придерживаться каких-то правил питания. Спортсмены, особенно силовики, нередко распухают без тренировок.

— Ну вот, госпожа, так-то лучше, да?

На меня смотрел седой мужичок в странном костюме — как с карнавала сбежал, потому что левая часть его длинного пиджака была зеленой, а правая — синей. Чуть дальше за мужичком стояли двое ребят попроще, то есть в серо-коричневой одежде. А на мне... Я тут поняла, что на мне вовсе не футболка с трениками, а что-то типа кожаной куртки, а вокруг явно не школа. Ничего похожего не то что на школу — на строение — даже на город в обозримой местности не было. И если МЧСники в авральном режиме могли выглядеть как угодно, то то, что я видела, не напоминало мой родной край даже близко.

Мы сидели на высокой кочке, а у моих ног колыхалась зеленовато-коричневая поверхность. То ли болото, то ли река грязи. Я обернулась. Чуть выше, на склоне у густых кустов, виднелся след, будто кто-то катился вниз. Рядом валялась сорванная трава — кто-то, логично предположить, что тот, кто тонул, пытался зацепиться, удержаться на поверхности.

— Госпожа, еще водички? Вот компотик есть, — сердобольный дедушка подсунул мне в руку литровую флягу. Я машинально глотнула и едва не выплюнула содержимое обратно — сладющее же, чуть челюсть не свело от оскомы! Один сахар или даже мед, слишком характерный привкус был у жидкости. Один плюс — сахар начисто стер привкус болота у меня во рту.

— А просто вода есть? — каркнула я, прокашливаясь.

— Конечно, есть, только к карете вернемся. Нехорошо вот так мокрой сидеть, госпожа, а если здоровье пошатнется? Приехать и в первый же день заболеть — ох, маршал сердать будет! Он и так-то... Вставайте, я придержу, — дедуля явно собирался меня поднять на ноги.

Я не спорила, сдержанно кивнула, стараясь держать себя в руках. Зачем мне лишняя паника? Если я с ума уже сошла, то крики и выдергивание волос на голове не помогут, а если...

Я в больнице? В коме? Ожидаемо. Что еще может быть «если», я слабо представляла. Нет, фильмы про всякие выдуманные миры я посматривала, да и слышала, как ученики обсуждают какой-нибудь сериал или книгу. Но всерьез

посчитать, принять на веру, что меня куда-то выбросило за пределы привычного мира, вот так, без проверки и доказательств, я не могла. Перерождение? Если туп как дерево... но тогда бы я переродилась с нуля? Может, в дерево было бы лучше?..

Дедуля тем временем попытался и правда меня поднять на ноги, потянув за руки, и я чуть не опрокинула бедного пенсионера на себя, хотя честно собиралась встать. Не вышло. Центр тяжести у меня был в совсем не привычном для меня месте. И самостоятельно подняться, оттолкнувшись от земли, не получилось, я едва не съехала обратно в болото. Жестом пришлось остановить дедулю, который сам бегал в опасной близости от жижи. Странно, но он подчинился.

Мне нужно было подумать, требовалась хотя бы пара секунд тишины, поэтому я выставила раскрытую ладонь перед собой, останавливая причитания старика, и быстро заработала головой. Потом ощупала свои ноги — широкие бедра и голени, напрягла мышцы, обнаружив их под жирком. Прикинула примерно свою фигуру, мысленно же вздрогнула, но не потому, что я — здешняя я — ужасная и полная. Просто потому, что я себя такой никогда не видела и не чувствовала. Сначала все детство и юность — сплошные тренировки, потом строгая диета из-за травм, и наконец правильное питание. Ну, относительно правильное, бывало, что баловала себя рыбкой с пивом. Но чтобы так раскормиться — это же надо рыбкой не ограничиваться?

Но полнота не значила, что жизнь окончена. Полнота — это не жгучий холод, тьма и осознание того, что ты проиграл. Так что минутка в тишине позволила мне полностью осознать, каково мое тело, и вспомнить все, что я сама рекомендовала для кругленьких дам.

Вставала я не быстро: пусть не эстетично, зато меньше вероятности, что я что-то себе поврежу. Сначала стала на колени, потом поочередно на ноги, а уж после медленно разогнулась.

— Отлично, — сказала я с высоты чуть большей, чем та, к которой я привыкла. — Идем к карете.

Дедуля заулыбался с каким-то облегчением, но хотя бы за руку не стал хватать, а то создалось ощущение, что дай ему волю, так он свою «госпожу» как дите неразумное водить будет.

Мы медленно поднялись по склону, с которого мое — а ведь и правда мое — тело скатилось тогда, когда пыталось спрятаться от сопровождающих в кустах. Что это тело делало в кустах, понятно было каждому, кто когда-либо ездил по просторам моей родины в дальние и не очень поездки. К кустам я подходить не стала, повторения не хотелось.

Карета оказалась большим — с высокий микроавтобус — коробом из дерева, кое-где обитого металлом, широкая дверь, ступенечки, сзади привязаны какие-то баулы и на крыше добра хватало. А примерно так и выглядел мой переезд после развода.

Но вот тянули карету вовсе не лошади, а... кхм... огромный броненосец? Мне была видна покрытая плотной кожей-броней спина, коротковатый — купированный? — хвост и узкая мордочка. Животина в упряжи была цвета зеленого с искрой, смотрела с ленивым презрением, жевала какие-то потроха и напоминала нашего завуча Ирину Сергеевну. Такая же броня, полусонная физиономия с приклеенным презрением ко всему находящемуся в пределах школы и зеленый с искрой костюм. Может, у завуча был даже хвост...

— Госпожа, одежда, — старик уже заполз внутрь кареты и что-то перекладывал там. Я не спорила, заползла следом, сразу оценила удобства — две не такие уж и мягкие лежанки, где ноги и не вытянешь, мягкие подушечки под зад, какие-то коробки над головой. Старик выскочил, оставив мне одежду, и почти сразу вернулся — один из мужчин в коричневом принес мне полведра воды. А это было уже полезно, все же грязь не только на одежде, она еще и внутри одежды.

Я наметила себе план на ближайшее будущее: отмыться, переодеться и начать уже ломать голову: это со мной что-то не так или с миром в общем. Логика говорила в пользу первого с поправкой на второе. Здравый смысл утверждал, что нужно отличать реалии от фантастики, и наиболее правдоподобный вариант — что у меня было слишком сильное кислородное голодание со всеми вытекающими последствиями. Сейчас я должна быть в больнице в коме — ну а дальше все зависит уже от умения докторов.

— Если я буду нужен, постучите как обычно, госпожа, — умиленно попросил дедулик, сложив сухие ручки на груди. — А если перекусить захотите, то в корзиночку загляните, я все приготовил. Так-то бы по хорошему остановиться здесь на часик, но опаздываем...

Он еще раз вздохнул и оставил меня в одиночестве, а потом карету дернуло, и все вокруг задвигалось. Мое путешествие началось.

Глава третья

В кругленьких бочках был плюс: мне было не так тряско, то есть, как говорят, «костями не гремела». Зато тряслась вся новая я...

Новая я — интересно и даже как-то азартно. Я чувствовала тело, увы, ему недоставало хорошей спортивной формы. Упражнения возле болота быстро дали понять, что будет непросто... Вот только кому? Что это, кто я?

Я поправила подушечку — нечего сидеть, как мокрый магистр Йода, решительно дернулась вперед, отметила, что координация движений тоже могла бы быть получше, но не все потеряно. Хотя тут сказывалось и то, что тащил повозку броненосец непривычными рывками.

Одну из коробок я уцепила и закономерно уронила ее на себя. Зажмурилась, естественно, но на меня посыпалась всякая дрянь: пара книг, ленты, бумаги — и вот они-то и были мне крайне нужны. Но это чуть позже, пока я вся мокрая и надо вымыться и переодеться. Дедулик прав, я могу и заболеть, а что это за мир... неизвестно, что за мир, может, тут как в «Федоте-стрельце», непонятно чем лечат. Может, травой и грибами, а может, и тем, что по вкусу совершенно не мед. Поэтому я собрала бумаги с печатями, которые выпали, покидала их в коробку — остальное подождет — и занялась собой.

Бочка служили амортизаторами, но и их не хватало, так что меня потряхивало капитально. Вместе с каретой, и еще от нервов: не каждый день сначала как Ди Каприо в холодной воде полоскаешься, а потом и вовсе тебя как репку из болота вытаскивают, а ты вдруг не ты и непонятно где. Врагу не пожелаешь таких приключений!

Сказав себе, что паника ничему не поможет, я принялась разоблачаться. Напуганная историческими романами, не теми, где балы и хруст французских булок, а теми, где все очень близко к минувшей реальности — дамы без белья и платье десять килограмм весит — я была приятно удивлена, что одежда, по большому счету, от привычной мне почти не отличается. Куртка, рубашка, штаны... Дедок мне выложил точно такой же комплект на смену, но вот про исподнее позабыл, и я, размеренно шатаясь, ткнулась в коробку сверху. Не то, и соседняя тоже не с одеждой, какие-то безделушки типа сувениров, теперь бы их еще не уронить...

Внизу на соседней лавке была еще корзинка и небольшой баульчик, и вот в нем-то я обнаружила искомое вместе с кое-какими туалетными принадлежностями. Спортивный закрытый лифчик... ничего размер-то у него, трусы спортивными шортами... Я вынула что-то, напоминающее мочалку, заранее содрогнулась, предвкушая холодную воду, но обмыться было необходимо. Вода текла прямо на пол, сбегала струйками и пропадала в щелях, я переступала с ноги на ногу и старалась не ругаться — вслух. Сочтя, что я пока достаточно

чистая, быстро переоделась — на влажное тело все налезало с трудом, вытереться было нечем, но все приятнее, чем стоять голышом и, честно сказать, ощутимо мерзнуть, да и одежда удивила натуральными тканями и качеством. Ручная работа? Я даже присвистнула. Стоило это все немалых денег.

Я плеснула на пол, чтобы ведро опустело, свернула в рулик и бросила под ноги грязную одежду, села на свой новый филей, спихнув предварительно мокрую подушку, и подвинула к себе первую коробку. Что бы это ни было — то, что вокруг меня — надо узнать, что это, выяснить, где я и как теперь быть. Даже если разум сопротивляется и пытается убедить, что он против, что мистики и других странных штук не существует, а вот галлюцинации — вполне да.

Первое, что я развернула, был засохший пирожок, ну или что-то похожее. В животе тут же жалобно заурчало, но выпечку пришлось отложить. К тому же, если это все мои фантазии, то от голода я не умру точно.

Следующей оказалась более нужная штука — диплом. Гадать не было нужды, на нем это было написано: диплом о высшем профессиональном образовании, и меня неуместно разобрал смех. Если даже на дипломе пишут то же, что и должны, то у меня точно кома и я определенно в больнице, а значит, можно расслабиться и получать удовольствие. Я мыслю, значит, существую, и каким бы овощем я ни лежала сейчас на койке, шансы на выздоровление есть. Я решила оставить это как запасной вариант к версии, что меня вы-

бросило в какой-то другой мир, и, честно говоря, запасной вариант мне сейчас представлялся более реалистичным.

Диплом о высшем профессиональном образовании получила некая Аннет Гонзо. Я прочитала название учебного заведения — Высший королевский военный колледж, озадаченно моргнула пару раз, разобрав присвоенную квалификацию: офицер-аквамонт. Списав увиденное на особо рьяную анестезию и не придав этому значения, я развернула листок с оценками.

Учиться офицер Гонзо могла бы получше. Тактика — «три», география — «три», геометрия — «три», математика — «три»... оценку выше «тройки» я обнаружила только одну, почему-то по истории зарубежных государств. Возможно, офицер Гонзо не была разносторонней личностью и прилежным курсантом, и интересовали ее только иностранные любовные романы, в которых, благодаря прилежанию авторов, исторические факты подавались достоверно. Список спецпредметов стоял особняком: трансфигурация — зачет, твареведение — зачет, конструкторы и руны — зачет, аэромантика — зачет, геомантика и пиромантика — тоже зачет, аквамантика — «три»... Я пожала плечами: неудивительно, что с такими сногшибательными оценками офицер Гонзо тащится куда-то, скорее всего, на гражданку, к маме и папе, возможно, замуж... Меня передернуло. Удружила ты мне, офицер Гонзо, благодарю.

Разочарованно сунув диплом обратно в коробку, я отки-

нулась на спинку сиденья. Карету в этот момент тряхнуло, и я подпрыгнула на подушках. Подсознание играло в какие-то нехорошие игры, могло бы подкинуть мне приключения, раз уж я — по одной из версий — все равно на койке лежу, но претензии предъявлять было некому. В моей ситуации, когда половина костей переломана и срослась часть из них кое-как, лучше лежать покорно, выполняя предписания врачей. Если игры разума были ни при чем и я оказалась в другом мире и в другом теле... я все-таки посмотрела, что еще есть в коробке: какие-то грамоты — я глянула мельком, немало подивившись: первое место по олимпиаде по геомантике, второе место по твареведению, и даты на них стояли разные. Год и месяц мне ничего не сказали, но, сличив их следом с датой, которая стояла на дипломе, я произвела нехитрые вычисления и поняла, что первое место по геомантике Аннет получила самое позднее год назад. Как она так умудрилась съехать в науках? И мышцы. Есть же. Я еще раз заглянула в диплом: физическая подготовка — «три»...

Я быстро просмотрела остальные бумаги. Свидетельство о рождении: отец, мать, место рождения, год рождения. Аннет было двадцать три года — хороший возраст, только ума еще нет, но это у нее, мне, по идее, ума и опыта хватит. И последним я обнаружила документ, повергший меня в некоторое уныние.

Офицер Гонзо вовсе не бросила военную карьеру, а назначалась в приграничный королевский гарнизон сроком на

семь лет. Может быть, иного и не предполагалось, но при слове «приграничный» я сразу подумала о лесе, злющих комарах и полном отсутствии нормальной инфраструктуры. Болота я уже успела увидеть и даже в них искупаться. В юности я обожала походы — костры и палатки, но ближе к своим зрелым годам заужавала комфорт и не стеснялась пользоваться солнцезащитными средствами и спреями от насекомых.

Будто в подтверждение моих опасений в окно влетела здоровенная муха и уселась под потолком. Я присмотрелась — что она будет делать, но что бы это ни было, другой мир или галлюцинации под наркозом, муха занялась ровно тем, что ей было положено: потирала лапки, готовилась сделать гадость и висела вниз головой. Муху можно было бы прихлопнуть, но нечем, поэтому я высунулась в окно, осмотреться. Повезет, так она тоже вылетит.

Лес как лес... дорога широкая, но неровная — ямы, рытвины, лужи, не так давно прошел дождь, пахнет свежестью и обычной лесной тухлинкой. Вода на дороге напомнила, что я хотела пить. И так как в лесу все равно не было ничего интересного, я занялась поисками корзиночки, которую поминал дедок. Как ни странно, нашла, хотя почему он обозвал ее «корзиночкой», когда это был нехилых размеров баул... Я похлопала себя по бедрам, рассматривая содержимое баула, и пришла к неутешительному выводу, что грешить с количеством съестного в дорогу стоит не на дедка.

Воду я выпила, а вот остальное, что заботливо мне припасли, употреблять отказалась. Ни овощей, ни фруктов, ни галет, ни орехов, только даже с виду очень калорийная сдоба, щедро посыпанная сахаром, несколько блинов с красной рыбой... рыбу я, впрочем, выковыряла и съела. Затем я собрала в первую коробку то, что из нее выпало и к чему я отнеслась крайне небрежно — книги, ленты разных цветов и золотистые эполеты.

Ну какой из Аннет, к чертовой бабушке, офицер, расстроено подумала я. Я легко бы могла представить ее на складе или в отделе кадров — но, судя по оценкам, ей и светило что-то подобное. Вот так и теряют люди форму и здоровье, мрачно подумала я. Так себе карьерные перспективы, серенький кабинет, скучная работа, что еще делать, как не есть целый день? Но мозг ужасался, а тело было в апатии. То ли потому, что в новом мире новая я успела разочароваться в жизни, то ли все-таки это был эффект от медицинских препаратов, а я никак не могла определиться, да и не хотелось. Подумав, я ущипнула себя: было больно, но что такое фантомные боли, я знала прекрасно, не стоило полагаться на ощущения целиком. Холодно? Тоже понятно, если я под наркозом...

Чтобы хоть как-то расшевелиться, я приложила к плечам эполеты, но даже они меня не вдохновили, наоборот, возникло какое-то странное плаксивое чувство. Самые настоящие слезы навернулись. И поскольку у меня этим всем эмоциям взяться было неоткуда, я поневоле задумалась — странные

ассоциации, с чего бы...

И тут карета остановилась.

— Стой! Кто идет? — заорал бодрый голос, а в окно сразу сунулась чья-то рука. Это почему-то встревожило муху, она заметалась туда-сюда, а мне захотелось дать руке «пять», только вот явно она была в окне не за этим.

— Предписание пожалуйста, — попросил дедок.

Я обхватила руками голову, походя отметив, что у меня шикарная копна волос. Тоже мокрых, и как-то в спешке я забыла, что с волосами надо что-то сделать, и теперь вода — та самая, грязная, из реки — капала на мою чистую одежду. Ладно, пляшем, что за предписание, где оно? Должно по идее быть в коробке, но ничего там я... Назначение, которое я видела? Оно?

Я сунула руку в бумаги — где-то тут? Дедулик не проявлял нетерпения, но меня это отчего-то обеспокоило еще больше. И то ли это волнение, то ли память тела — какого, к черту, тела? — выдернула из общей кучи плотный листок размером чуть больше обычного конверта, и я разглядела — «Предписание», и сунула его дедку. Угадала или нет?

Я выглянула в окно. Дедулик, двое парней в коричневом, мужик — суровый, с усами, с мечом, читает, что ему вручили, за спиной мужика стена...

Первая мысль была — это пост, обычный блокпост, а мужик охраняет какую-то древность. Поросшую кустарником, помнящую еще динозавров, и вот эти-то доисторические

ящеры, наверное, и выковыряли из стены половину камней, а вторая половина — повезло мужику, что он в шлеме! — того и гляди рухнет ему на голову. Но мужик состоянием стены озабочен не был, он дочитал предписание, выпрямился, узрел мою физиономию в окне кареты, вытянулся во фрунт и лихо отдал мне честь.

Все, что я в тот момент вспомнила: к пустой голове руку не прикладывают. Голова у меня была пустая вдвойне, потому что без головного убора, и еще я понятия не имела, что мне нужно сделать в ответ. Кроме того, я заметила, что по стене кто-то ползет, и, онемев от происходящего, подняла руку и неуверенно ткнула ей несколько раз за спину мужику.

Глава четвертая

Это что-то ползущее было бесцветно-коричневое, толщиной с пожарный шланг и такое же бесконечное. Солнышко поблескивало на чешуе. Где у него начало, где конец, я понятия не имела, ясно было, что оно живое и, вероятно, намеревается закусить.

— Вон там, — сказала я, и усатый мужик нахмурился. — Извините. Там...

Наверное, вместо кофе по утрам он пил тормозную жидкость. Как-то чересчур медленно, будто речь не шла о его жизни, он повернулся и осмотрелся. Причем совершенно точно он увидел голодный шланг, но никак не отреагировал на него, как будто там не шланг, а птичка пролетела, и опять уставился на меня:

— Да, лейтенант! — ор разнесся по округе. Захотелось уши закрыть.

— Что же ты так орешь, — пробормотала я себе под нос, а вслух сказала: — Там что-то ползет по стене?

— Камнеедный змей! — отрапортовал мужик, опять приложившись к шлему.

Да? И что это значит? Что это он и выгрыз половину стены? Я пожала плечами, а дедок тем временем засуетился и вприпрыжку направился к моей карете.

— Госпожа, так вот, мы прибыли, давайте-ка мы все вы-

несем, а дальше уж сами, дальше нам нельзя. Служба, она такая!

— Ага, ясно, — я со вздохом покосилась в окно, увиденное там особо не радовало.

— Ох, долго же мы вас теперь не увидим, что я батюшке скажу? А скажу, что довез вас в целости и сохранности, вот так, — он ловко растаскивал коробки, баулы, я только успевала уворачиваться. — Это вот сюда, госпожа, а это с собой возьмете, а это мы тогда на обратном пути доедим...

От мельтешения дедульки у меня голова закружилась, и я выглянула в окно теперь всерьез, чтобы воздухом подышать. Чешуйчатый шланг подозрительно шел волнами — видимо, пристроился и чего-то там жрал. Камни? Усатый мужик рылся в карманах, двое парней в коричневом скучали, пока из кареты не донесся залиvistый свист дедка — и я обалдело увидела, что они вытащили наружу коробку с документами и лентами и баульчик с банными принадлежностями и нижним бельем. В общем, все мои вещи, если я правильно все поняла. Потом дедок выскочил, причем он успел навести в карете порядок — мастерство, которого добиваются годами, а следом вышла и я...

— Это все? — спросила я, указав на вещи. В ответ мне закивали. С одной стороны, здесь было немало вещей, особенно если ты собрался на недельку на море. А с другой, и маловато, когда задержаться на годы нужно. Но... это как бы было очевидно. Армия — везде армия? Труссы и бумаги, осталь-

ное, скорее всего, выдадут. Видно по карете и дедулику, что я не из бедных, так что в другом случае мне бы еще одну карету вещей прислали, а не отпустили, так сказать, с двумя чемоданами.

— И... куда мне теперь?

Последнее я тоже проговорила почти неслышно. Но был мужик с усами — он должен знать. Дедок подошел ко мне, поклонился несколько раз, утер почти отеческую слезинку, а двое парней тоже отвесили почестей, и мне, наверное, надо было что-то им сказать, но я и видела их первый раз в жизни. Поэтому просто кивнула, а старика еще и по плечу похлопала, а то расклеился он. Хотя, может, он Аннет с младенчества знал. Но, увы, никакой памяти или знания об этом у меня не было.

— Всего вам доброго, батюшке привет, — ляпнула напоследок я, и физиономии у всех вытянулись. Сказанула что-то не то, явно же, но слово не воробей. Потом я подняла баульчик и коробку, обошла карету и покашляла возле усатого мужика.

— Вон туда, лейтенант! — очнулся мужик, вручил мне предписание — очень неудобно было его брать, руки-то заняты! — и указал куда-то, где, по моим расчетам, то ли заканчивался, то ли начинался шланг. Но шланг был увлечен процессом, стена казалась бесконечной, и меня подмывало спросить, как, собственно, выглядит воинская часть... или куда меня привезли. Но вдруг выставлю себя не в том свете:

а как-то нехорошо было терять лицо, не успев появиться на месте службы. Странное дело, но я как-то быстро свыклась с мыслью, что у меня эта самая служба есть.

Шланг похрустывал где-то на стене, падали мелкие камешки, под моими ногами шуршала трава. Настоящая, зеленая, а если ее сорвать и размять, то следы были. Это я остановилась специально, заодно и оглянулась — карета уже разворачивалась, усатый мужик достал трубку и закурил. А мне казалось, он на посту... Или это вроде — солдат спит, а служба идет?

Я переложила вещи так, чтобы было удобнее нести: коробку под мышку, баул через плечо, предписание в карман. Потом посмотрела наверх — не хотелось бы, чтобы мне на голову что-то прилетело или кто-то. Ага, вот и голова шланга, вполне различимая, ну или задница... точнее, хвост, кто его знает. Но, скорее всего, он все-таки ест нужным концом... узкая, заостренная башка, зубов не видно, но камешки летят, и, судя по всему, шланг менять камни на мяско не собирается... Кто тут еще мог водиться, я постаралась не думать и печально пошла вдоль стены.

Печально — потому что если это не постоперационные видения, то мне предстоят очень веселые семь лет в этой глуши. Что это глушь, было ясно и из бумаги, которую я нашла, и из предписания — приграничный гарнизон же — и из того, что я наблюдала. Разруха, запустение, кто-то верещит в ближайших кустах — хорошо бы от испуга, а не от голода,

потому что здесь может быть как в Австралии: все, что движется, хочет тебя убить. Дорожка под ногами была некогда выложена камнем, теперь же это были поровну камни и коричневая глина. Две стены тянулись и тянулись вроде параллельно, но тропа вела меня чуть в левую сторону. Это как, уровни защиты что ли, внешняя стена и внутренняя?

Я увидела поросший травой колодец — широкий, раза в два больше, чем я привыкла, с горизонтальной деревянной крышей. На камне рядом сидела лягушка размером с нормальную такую кастрюльку литров на пять с ярко-красным клювом, который вот так сразу предупреждал, что ближе подходить не надо. Вода водой, а такое клевало могло запросто пробить человеку ногу или отхватить кусок мяса. Живности здесь вообще было немало. Промчались какие-то птички, но не клином, а ровными рядами. Откуда-то истошно запиликало-засвистало. Так-то вроде трелями самцы самочек привлекают, но если и здесь так, то, кажется, у кого-то последний шанс на это самое. Потом я чуть не наступила на змею, обругавшую меня на парселтанге... А стена все не кончалась, и я прокляла эту историческую достопримечательность. Метров через триста прокляла еще раз и тогда наконец увидела вход.

Точнее, пролом в стене. Такой след мог бы остаться от танка, вон камни до сих пор валялись рядом. Возле пролома никого не было, а тропка явно была хоженная. Подивившись этому обстоятельству, я шагнула в проем, ожидая окриков

или выстрелов, но — ничего. С другой стороны, подумала я, что есть этот проем, что нет, а куда здесь бегать в самоволку? Глухомань же вокруг. Потом решила, что этот гарнизон — отличный пример для скверных учеников. Плохие оценки — так себе будущее. Но — и над этим стоило, конечно, подумать: кто родители Аннет, если она ехала к месту службы в собственном экипаже с охраной и дедком, в комфорте и с кучей барахла, зная, что это все ей взять не разрешат, и главное — почему караульный такому обозу не удивился?

Если родители богаты, то как она попала в военный колледж? Вроде бы у богатых девушек немного другое предназначение... Или мне не стоило примерять свои знания к тому, что меня окружало? А если влиятельны — то как они позволили дочери гробить молодость черт знает где? Но какой бы мир ни был, должна быть какая-то забота о будущем дитяти! Но, может, Аннет была далеко не любимицей? Тогда возникает дальнейший вопрос: откуда дедулька и экипаж? Но была еще такая вещь как репутация... Сам черт ногу сломит.

От стены я прошла метров сто и не увидела никаких признаков присутствия людей. Руины, трава, иногда следы деятельности — вывернутые комья земли, свежевыкопанные траншеи и другие странные знаки, но равно как человек мог накопать, так и шланг какой-нибудь землеедный. Или — у них тут что, на экскаваторах гонки проводят? Неразумной живности тоже не встретилось, что не радовать не могло, так-

то я не была готова к встрече с незнакомыми тварями. Но когда я миновала развалившуюся башенку с выцветшим триста лет назад флагом, перед моими глазами открылась потрясающая панорама.

Наверное, когда-то здесь был огромный пограничный замок, невысокий, но широкий, но теперь это было все, что от него осталось. Замок функционировал и сейчас: где-то вился дымок, тянуло едой. Присмотревшись, я увидела небольшое стадо лошадей с крыльями — чуть в стороне были конюшни. И люди показались: впереди бежал низенький кругленький мужичок, а за ним неохотно маршировали человек двадцать. Душераздирающее зрелище, подумала я, смахивает на корявый строй желающих немедленно похмелиться. Не то чтобы я была знатоком строевой подготовки, но, может, им мешает трава и неровная поверхность?..

Гарнизон в глуши — картина маслом. Все было хуже, чем я ожидала. Но и лучше, потому что как посмотреть. Это все же жилые помещения, пусть и дышащие на ладан, а не палатки. Может быть, здесь есть канализация и водопровод. Хотя бы комнаты с кроватями. Все же условия как в хостеле для гастарбайтеров определенно лучше условий для туристов-походников. Находить плюсы в моем положении получалось неплохо.

Под редкими нелюбопытными взглядами я прошла до первой попавшейся двери. Возле нее, безразлично привалившись к стене, стоял молодой длинноногий парень и же-

вал стебелек. Вот он проявил ко мне интерес: не отрываясь, смотрел, пока я не подошла ближе и не сообразила, что надо же надеть эполеты, которые я нашла. А то пришла тут непонятно кто и непонятно к кому.

Зря я это сделала, решила я, потому что парня как подменили. Травинку он выплюнул, вытянулся, совсем как караульный возле стены со шлангом, отдал мне честь и заорал:

— Здравия желаю, госпожа лейтенант!

— Вещи возьми, — проговорила я, когда у меня перестало звенеть в ушах. И — мне надо кому-то должиться? — А где...

На месте парня я бы тоже на себя паялилась. Волосы грязные, наверное, еще и в ряске какой, одежда надета кривенько. Но эполеты сыграли свою роль. А что, каков гарнизон — таков и лейтенант!

— Кабинет господина маршала гарнизона на первом этаже справа!

Дверь, как мне показалось, закрипела, но я из-за ора парня не разобрала, так это или нет. Нехватка офицеров, дисциплины или ума у господина маршала? Мне представился заспанный пожилой толстячок, которому всех забот — чтобы было что жрать личному составу и чтобы никто не жрал личный состав, потому что, хоть гарнизон и пограничный, положение дел тут довольно унылое и попытка пересечения границы должна приравниваться к визиту короля. Есть же тут король, раз колледж и гарнизон королевские? И король,

возможно, тут бывает чаще, чем нарушители? Кому тут что нарушать? Сонное царство!

Коридор был темный, пустой, только откуда-то доносился до боли знакомый звук. Печатная машинка? Когда я проходила мимо одной из дверей, оттуда вырвался — из щели между дверью и полом — слабый язычок пламени и тут же погас. Я застыла: горим, не горим? Вода была, сейчас пожар, напоследок — медные трубы? Но дымом не пахло, и я решила, что мое подсознание начинает чудить. Итак, господин маршал. Будем надеяться, что мой затрапезный вид не вызовет у него желания отправить меня на гауптвахту. Хотя вряд ли здесь она нужна, эта гауптвахта — вон мимо молодчики пробегали: форма кое-как застегнута, животы висят, все весело друг с другом общаются. Дисциплина?..

Я прошла немного вперед и увидела табличку, подсказавшую, что я на верном пути: «Маршал королевского гарнизона, подполковник Д. Дейс». Прикинув, что в этом забытом властями месте до подполковника можно дослужиться годам к шестидесяти, а то и поболее, я довольно бесцеремонно стукнула в косяк двери и зашла, не дожидаясь разрешения.

— Здравствуйте.

Черт. Никакого маршала тут не было и в помине, зато, развалившись в потертом кресле и определив ноги прямо на стол, дрых молодой парень в белой рубашке — хоть что-то здесь чистое и радует глаз — может, лет на пять меня постарше.

— Здравствуйте! — повысила я голос и поправила эполеты. Парень открыл глаза. Я сунула руку в карман, вытащила предписание и положила на стол рядом с сапогом.

Парень изящно — эх, когда-то я так тоже могла! — сбросил со стола ноги, не глядя на меня, взял предписание, прочел его и небрежно кинул на стол.

— Лейтенант Гонзо, — протянул парень. — Вас-то я и ждал. Примерно так я себе и представлял ваш визит: как будто на кухню перекусить спустились.

Он сидел теперь, чуть наклонившись вперед, рассматривая меня, а я рассматривала его. А мне-то казалось, что в армии все должно быть пострижено, покрашено и ходить строем. Волосы у парня для офицера были неприлично длинные. Хотя если он секретарь или чей-то сынок, то, наверное, все возможно.

— Ваши дипломные оценки я видел, — продолжал парень сквозь зубы. Я продолжала гадать — он кто-то вроде адъютанта? — Даже наш пьяница Рикор имеет в дипломе лучшие баллы, а пить он начал на первом курсе и с тех пор практически не просыхал. За два года здесь я привык, что никого стоящего мне не присылают, но это, — он обидно указал на меня пальцем, — вот этого я не ожидал.

— Мне нужен господин маршал, — наконец отмерла я. — Надеюсь, под пьяницей Рикором вы имели в виду не его, относительно трезвым он же бывает? Хоть изредка?

— Маршал вообще не пьет, — почему-то оскорбился па-

рень. — Учтите, если решите вдруг ему предложить. Меньше всего вы похожи на офицера, выпускника королевского колледжа, и больше всего — на... — он сморщился и помолчал. — Только не вздумайте сейчас грозить мне вашим папой. Здесь я — власть и закон.

А не много ли он на себя берет?

— А не много ли вы на себя берете? — возмутилась я и села. И плечи расправила. И лицо строже сделала. Ну и что, что оценки плохие, главное же ум и находчивость, а остальное приложится! А что, кстати, с моим отцом? — Ну да, вид у меня не очень, попала, знаете ли, в переделку по дороге. — Я ожидала, что он спросит, какую именно, но ему откровенно было плевать. Он только удивленно приподнял бровь. — У меня так-то тоже ожидания были завышены. Гарнизон, граница, а тут какой-то развалившийся цирк-шапито с удавами и парой горилл. Мне бы умыться, переодеться, и я готова приступить к своим обязанностям.

Умирать, так с музыкой, подумала я. С другой стороны: даже если это какое-то иномирье, что меня может испугать после того, как я вообще здесь оказалась? Посадите меня куда-нибудь и дайте возможность поесть... И тут я прикусила себе язык, потому что «поесть» — это было не из моего репертуара.

— Какие будут распоряжения? — несколько издевательски протянула я. Если уж этот хлыщ возомнил себя тут первым после маршала гарнизона. Вот точно адъютант или сек-

ретарь какой...

— Убирайтесь, — тоскливо велел мне хлыщ, и я едва не разинула рот.

— В каком это смысле? — нахмурилась я. Он спятил? Куда мне убираться? Что за прикол?

— В самом прямом, — пояснил он. — Убирайтесь.

— Отсюда? — уточнила я.

— Здесь. Вы спросили — какие распоряжения, — он вздохнул. — Хозяйственная часть — вся полностью ваша. А что я вам, — он опять облизнул меня презрительным взглядом, — еще могу поручить? Вам не понравилось, как выглядит гарнизон — вот и займитесь его облагораживанием.

Я медленно встала. Наверное, парень подумал, что я собираюсь начать уборку с того, что почищу ему фасад. Мысли были, но я все же держала себя в руках.

— А маршал, — угрожающе спросила я, — согласится с моим назначением?

— Я и есть маршал, — объявил парень. — И папой мне не грозите.

— Да что вы привязались к моему отцу?

Этой веревочке все-таки предстояло когда-нибудь кончиться. У меня уже голова кружилась. И маршал не маршал, и мой отец здесь при чем-то, да и вообще черт знает что здесь творится!

— Кру-гом! — гаркнул парень, и голос у него оказался довольно зычным. Таким, что аж в ушах зазвенело, а ноги

сами развернулись на каблуках. — Дневальный! — Стук машинки прекратился, и через несколько секунд в дверь просунулась сосредоточенная девичья физиономия. — Покажите лейтенанту ее казарму. Свободны. Обе!

Мать честная! Мне стало не до маршала, умудрившегося дослужиться до подполковника в такие молодые годы. Здесь есть женщины! Хотя бы в казарме у меня не будет проблем!

Глава пятая

В коридор мы выскочили прыжком, я так с радостью, подальше от маршала, но если я слегка растерялась, что дальше, то девушка бодро козырнула и оттарабанила:

— Лейтенант! Добро пожаловать в Нижнерейнский королевский приграничный гарнизон! Да будет славен королевский род, а мы — королевские стражи — станем ему опорой!

Красиво сказала, я даже впечатлилась, но слегка, уж сколько раз мне приходилось гимн выслушивать на соревнованиях. А уж когда ты еще и с медалями, то и слезы льются, и общая обстановка торжественная. Так что я даже не показала, что удивилась, только серьезно кивнула «да будет» и, судя по всему, сделала все правильно.

Она подумала и добавила:

— Мы вас ждали.

— Да? — с подозрением переспросила я. Судя по маршалу — только и ждал, чтобы на мне отыграться. Что я ему сделала — в смысле Аннет?

— Ну, как почта пришла, — смутилась девица, — все так сразу и... — Она смутилась еще сильнее. — Никто же не ожидал, что вы в самом деле сюда приедете, даже думали, что шутка такая... ой. Прошу, лейтенант, — девица пыталась указать дорогу, но видимо, не по чину ей было идти впереди меня, поэтому она мялась, притормаживала — и это

все мне быстро надоело. Да и нужен мне был источник знаний и сплетен, как же без них. И проверить этого маршала нужно было. А кто подскажет все и всем? Конечно же, обычный рядовой.

— Давай по-простому, — остановила я ее. — Не такая у нас и разница, в возрасте точно. А то, что звание у меня такое, так сама понимаешь...

— Королевский колледж, — вздохнула девица, достаточно быстро на ее лице выражение немного дебильное, гордое за отечество, сменилось любопытством, а в глазах и вовсе появилась лукавинка. — Но так не принято, лейтенант... по крайней мере, не на глазах маршала.

— А маршал мне и не нужен здесь, — тихо произнесла я, девица, конечно, заметила и понимающе покивала. Ну да, кому такой маршал нужен вообще. Нет, наверное, антропологам нужен или вон в кабинете биологии у скелета каждый год чего-то недоставало. Но не мне и не сейчас. — Мои обязанности мне уже объяснили, фронт работ описали.

Хочет, чтобы я убиралась здесь? Будет сделано! И пусть потом не возмущается, что он вовсе не то имел в виду. Привести в порядок гарнизон? Нелегко, но выполнимо. Это он еще не в курсе, как порой приходилось выбивать оборудование для спортзала или руководить бригадой маляров-строителей, которые пытались раскрасить пол, как захотелось левой пятке. «Помещения и фасады зданий должны быть окрашены красками установленных колеров» — господа, откуда

я это знаю? Хотя — на сборах что мы только ни читали со скуки, не телевизор же смотреть. Устав гарнизонной и караульной службы тоже, что ли, мне на глаза попадался?

Если я это вспомню — маршалу конец.

— Так что, сначала экскурсия, потом в казарму, или наоборот? — помогла я решиться девице. Она чуть заосторожничала, но я транслировала на всех частотах: ну же, милая, давай наладим контакт.

— Казарма недалеко, лейтенант, я помогу вам обустроиться, — наконец согласилась она и даже пошла впереди меня, изредка оборачиваясь и тыча в разные стороны, указывая, что и где находится. Я мысленно похлопала себя по плечу и воодушевилась. Так, маршал не напасть, маршал может и пропасть. А мне здесь еще семь лет околачиваться!

Но поскольку околачиваться я должна была во вполне себе высоком ранге, то... Хм-м, как там школьникам-студентам говорят: сначала ты работаешь на репутацию, потом она на тебя, да?

А виды мне открывались интересные. Замок был вполне себе обычным замком — не таким, где всякие принцы и балы, а коричнево-серые стены, узкие окна-бойницы, камень под ногами и внутренний двор — где было хотя бы подобие военного плаца. Местами, надо сказать, это все сильно было пожевано, и я догадывалась кем. Сам административный блок был небольшим с высокой узкой башенкой, наблюдательной, что ли. А рядом располагались еще два двухэтаж-

ных барака. Именно в ту сторону мы и отправились. Казармы, да?

По идее трава во внутреннем дворе должна была быть вытоптана ногами местных военных, да и днем должны были проходить какие-то активности, не только расхлябанный бег, как я уже видела. Но пока я наблюдала тройку расслабленных парней в тенике и пару девчонок, которые что-то странное изображали руками. В общем, расслабуха.

— Это всегда так? — я покосилась на бьющих баклуши и даже ткнула пальцем. Как-то не вязался этот вид с гонором маршала. Но девица пожалала плечами.

— Так запасники, лейтенант. Что нам еще делать.

К сожалению, у меня не было толкового ответа на этот вопрос, но почему-то мне казалось, что в армии так или иначе все проходят подготовку и мало кто вот так в потолок плюет. Там для того, чтобы солдат не дремал, есть старослужащие и товарищ сержант. Нет, в армии присутствует дисциплина, а здесь маршал лохмы отрастил и дрыхнет, пристроив задние конечности на стол. Каков поп, таков и приход, как говорится, но тут не служба — тут лафа. У одного из парней, например, были вполне себе кругленькие щечки, не до плеча, но все же — далеко плюнуть смог бы.

Может, потому Аннет и отправили в эту глухомань? Потому что здесь не надо толком служить? А стаж — или что там у нее — засчитается? Вместе с жалованием?

— Казарма, лейтенант! — отрапортовала девица.

— Дневальный, как твое имя? — вспомнила я.

— Рядовой Аттика Роно, лейтенант, — козырнула она.

Я кивнула и повернулась к тем самым казармам: вполне себе приятное зрелище — ближайший барак был отремонтирован, аккуратен, а через чистые окна, забранные чистыми стеклами, виднелись ровные ряды кроватей, монструозные шкафы и какие-то ширмы. А вот второй барак выглядел похуже, как если бы его жизнь трепала. Не хватило денег на реставрацию?

Естественно, я отправилась к тому, что красивее, лейтенант я или нет. Но окрик Аттики заставил меня остановиться.

— Прошу прощения, лейтенант, но ваша казарма — эта, — потупилась она, предлагая мне посетить барак с уровнем комфортности как у шалаша. Я даже немного возмутилась, но быстро проглотила все слова, которые хотели вырваться. Девушка же не виновата, что маршал мне подсунул некондицию. Но я как бы ему список претензий выкачу при первой возможности. Повод есть.

Так что входила я внутрь казармы с достоинством — грудь колесом, шаг ровный — и отмечала, даже когда сама того не хотела, все минусы нового жилища. Плюсы были... ну разве что с точки зрения архитектурной ценности. Вон потолочные балки уложены красиво. А так окна нуждались в замене, да, на улице не холодно, но ночью температура опускалась, и в щели и проемы сквозило. Об этом свидетельство-

вали ткань, следы глины и другие попытки привести в порядок стену. А ведь здесь, скорее всего, была еще зима, и что тогда? По утрам лед из волос выцарапывать? Подобие печи я видела, но чем ее топить? И хватит ли на все помещение? Потолки здесь были высокими, больше стандартных в квартире.

Койки стояли блоками — сразу видно было, где мальчики, а где девочки. Вместо вместительных шкафов для личных вещей — какие-то плохо сколоченные тумбы, под ногами стершийся паркет, но все равно все ходили в сапогах, потому что грязь...

Хотя нет, не везде грязь, пол был средне чистый, все же здесь кое-как, но убирали. Просто чернота уже так въелась, что убирать бесполезно. У кроватей, но не везде, лежали коврики, чтобы хоть как-то утеплиться. Сами кровати заправлены нормально, пусть и не идеально, но все же какие-то нормы здесь соблюдались. Всего мест было тридцать или около того. И я хотела бы заявить, что живут здесь раздолбаи, если ли бы не мой личный жизненный опыт.

А он чуть ли не ором орал: посмотри, люди старались — коврики, тумбы, тля-ляп ремонт. Как могли, так и делали, выше головы все равно не прыгнешь. А что еще ожидать, если гарнизон в заднице мира, рядом ни одного приличного селения, никаких увольнительных не хватит, чтобы мотаться в город. Это я на карете приехала, а топтать пришлось бы порядочно до того места с кустиками и болотом. А сколько еще

от той точки и до ближайшего местного магазина? Вряд ли здесь есть «Икеа» и вряд ли у всех служащих есть деньги...

А что, кстати, на все это сказал бы мой таинственный обеспеченный папа, которого почему-то даже маршал боится, хотя и виду не подает? Ой, как скверно, что я как Люк Скайуокер, понятия не имею, кто мой отец. Удивлена, возможно, я тоже буду знатно... Спросить у Аттики? «Ты не в курсе, случайно, кто мой отец?» С одной стороны, мысль была неплохая, с другой — звучало как явный наезд. Эполеты эполетами, но личный состав против себя настроить — э, нет, мне еще сидеть тут семь лет.

Вслед за нами заползли в барак с десятков парней и девочек, испуганно на меня покосились — заметили эполеты, молча похватали одежду и мыльно-рыльные принадлежности и так же бочком испарились. Я услышала обрывки фраз «сегодня ты с водой работаешь» и «глаз выбью, будешь подглядывать». Это было мило и как-то обычно, сразу вспомнились сборы, смешанные команды, когда, казалось, не до стеснения и надо сосредоточиться на соревнованиях, но все равно...

— Они куда?

— Тренировка закончилась, в душ. Он снаружи, за казармой. — Ну вот, а я надеялась, что гигиенические процедуры будут не на свежем воздухе. — А вот и ваша комната, лейтенант.

Комнат для высшего состава было три и разницы в них

особо не было. Темная, мрачная и темно-мрачная. Но все с целыми стеклами, что радовало. Крошечный закуток оказался как бы санузлом, только непонятно, откуда воду брать — квадратная высокая ванна была, мощная, глиняная, но на этом все. И дыра в полу, кокетливо прикрытая деревяшкой. Но по сравнению с тем, что было в общей казарме — дворец.

Я прикрыла глаза, потому что там за веками вспыхивали искры откровенной такой злости, но медленный счет до десяти — и приступ прошел. Я бросила вещи в темной комнате — тут, по крайней мере, было всего одно окно, дуть должно было меньше — и быстрым шагом направилась на выход из барака. Не понимающая ничего Аттика семенила за мной.

Я выскочила из казармы, почти сразу нашла узкую тропу к душе... Ага, на «душ» оно было похоже только тем, что был подвешенный на толстые деревянные балки бак, в нем дыры и из них лилась вода. Воду эту нагоняли несколько девчонок, утомительно шевеля в воздухе руками. А полный парень торчал у бака, старательно отворачиваясь, и прижимал к нему ладони, из-под которых — нет-нет — да вырывалось что-то оранжевое. Огонь? Это же не мог быть огонь? Или...

Но сейчас не странности меня волновали, не магия или что это такое, а то, что опоры у конструкции были почерневшими, ненадежными, рядом уже стояли подпорки... То есть весь этот инженерный шедевр мог свалиться на головы — и все. Первой мыслью было срочно запретить всем быть рядом, но что потом, не мыться, что ли. А на вторую мысль

меня навело то, что Аттика помахала кому-то в толпе, и на нее уставились не как на врага народа, а на источник информации.

— Ты тоже живешь в этой казарме? — уточнила я.

— Да, лейтенант!

— Назначаю тебя своей помощницей, маршалу я представлю причину. — «Моя казарма, что хочу, то и делаю», — злобно подумала я. — Но мне нужно освоиться, а значит, мне нужна ты. Выбери себе замену на сегодня, другого дневального. Вы же меняетесь по расписанию? — и когда она кивнула, я продолжила: — Отлично, тогда его смена будет короткой. Все вопросы с маршалом — через меня. И обо всех проблемах тоже мне сообщайте. Насколько быстро я начну рассматривать эти самые проблемы, зависит от того, как быстро ты меня введешь в курс дела. Ну и насколько вы хотите что-то изменить.

Я не стала говорить, что будет скорее «хочешь, не хочешь, а придется», лучше, когда сами ученики предлагают все первым и находят варианты, как и какие вопросы решаются. Ну и что, что так называемые запасники уже не шестиклассники давно, это не значило, что им не нужна помощь... и дисциплина... и... так, это что там за булки?!

Толстоватый парень, который по сути только что подогревал бак с водой, прыгнул с приступочки, достал из кармана большой сдобный пирожок и чуть ли не половину запихнул в рот. Вот тебе и военный гарнизон, и подготовленные бой-

цы во славу короля!

Война войной, а обед по расписанию. Ну хоть один принцип тут соблюдали в точности как есть...

Глава шестая

Можно было рывкнуть, что еда не по уставу или еще какую-нибудь чушь, но тогда я рисковала нарваться на сопротивление. Да-да, можно желать людям блага, но заставить их принять это благо надо еще постараться. Так что я просто взяла на заметку себе и пирожок, и толстячка, а спросила у Аттики другое:

— А во всем гарнизоне душевые такие?

— Ну что вы! У основного отряда душ в казарме, — пискнула она и стушевалась. А туалеты тоже на природе, судя по всему. И вообще — свежий воздух и прохладная вода закаляют организм. Особенно зимой. Интересно, какие тут зимы?.. Печка есть, значит, не Шарм-Эль-Шейх.

— А что еще у основного отряда в казарме? — этот вопрос был риторическим, я не стала заставлять Аттику на него отвечать, просто сама развернулась на каблуках и затопала по размокшей земле ко второму барaku.

— Лейтенант?.. — пыталась остановить меня Аттика уже в дверях, но грудью на защиту чужого отряда не кинулась. Да и вообще, лейтенант я или кто?

М-да, почувствуй, как говорят, разницу. Внутри даже запах был другой — не сырости, а плотного свежего дерева. Сразу видно, о ком родина решила позаботиться, а на кого забила большой болт. Здесь был ровный утепленный пол,

оштукатуренные коричневые стены, те самые ширмы между кроватями, чтобы никто никому не мешал, шкафы все как под копирку. Сразу возле входа меня встретили четыре двери — два туалета и два просторных душа. Кроватей было гораздо меньше, чем в соседнем здании, раза так в два-три. То есть максимум здесь помещалось человек пятнадцать, но сейчас койки были заняты едва ли наполовину.

— Лейтенант, это казармы основного отряда гарнизона... — простонала Аттика. И вслед ее словам за нишами кое-где зашевелились, показались слегка удивленные лица. А кто-то даже и встал поприветствовать. Мои знаки отличия не особо впечатлили местную публику, но устав они выполняли, по струнке вытянулись. И что сразу бросалось в глаза — я все-таки нашла тех самых идеальных солдат. Здесь не было животов или неровной осанки, что мужчины, что женщины были как под копирку — серьезные, с отличной выправкой, мускулистые и со взглядом презрительным. Возраста разного, но явно старше тех, кого отправили в запасники. Будь я той самой Аннет, то, наверное, сжалась в комочек и попыталась бы уползти тихо-мирно и не отсвечивая. Но сейчас я только расправила плечи и как ни в чем не бывало поинтересовалась:

— День добрый, солдаты королевского гарнизона! Душевые, я так понимаю, свободны?

— Да... лейтенант! — в вольном стиле мне отдали честь. Я быстро посмотрела на погоны говорившего — вроде вен-

зелей меньше, чем у меня, значит, поперек ничего сказать не сможет. Это хорошо, главное, чтобы он сам до офицера к утру не дослужился.

— Отлично, вольно, солдат, — махнула я рукой и вылетела из казармы, напрямик к своим погорельцам. А как их еще назвать? Погорельцы они и есть. Вот такая вот сегрегация: самым умелым и жизнь хороша, может, они, конечно, жизнью этой рискуют каждый день. Сомнительно, если только в столовой, но каким бы ветром остальных ни забросило в этот гарнизон, это не дело — вот так над людьми издеваться.

А может, все проще? Мысли мои заработали в очень знакомом по моему прежнему — господи, прежнему! — миру ключе. Бюджет на армию везде одинаковый, вот потому на меня так маршал и рычал? Может, мой отец — какой-нибудь налоговый инспектор? Казначей? Судя по карете, или кресло у него ого-го, или тоже взятки берет. Но поди разбери — тогда бы он не афишировал?..

— Слушай мою команду! — рявкнула я, вернувшись к подобию душа. Народ, естественно, замер испуганными сурками, а кто-то и взвизгнул от неожиданности, пара парней прикрылись быстренько полотенцами. Ну да, это все-таки не фитнес-зал, где все чуть ли не в стрингах разгуливали. — Мыла-полотенца взяли, в шеренгу по трое разбились, мальчишки-девочки отдельно! Идем за мной!

И мы пошли напрямик в тот самый душ, где если и нужно было что-то подогреть, то явно не нависнув над кон-

струкцией, которая сама грозила развалиться. А если это произойдет? Куда тащить раненых? Что делать, если кого-то до смерти прибьет? Я не хотела уповать на удачу или еще какие-то мистические штуки. Если меня назначили лейтенантом и прикрепили к этой казарме, то нет, никаких несчастных случаев у меня быть не должно, а то маршал уже и готов обрадоваться, небось.

Конечно, на нас вытаращились, конечно, и сами запасники стали еще бледнее на фоне более развитых — прямо-таки с плакатов по рекрутингу — коллег, но я стояла на своем. Пять минут на каждую группу, после себя убрать, ничего не ломать, оставить в том же виде, в котором было до использования. Говорила я это ровным, достаточно громким голосом, чтобы было слышно обеим группам. И добавила в конце «я слежу», чтобы уж точно никто из основного отряда не запугал этих хлюпиков из запасников. Пусть жалуются маршалу!

— А вы другая, лейтенант, — вдруг сказала Аттика. Мы с ней дежурили у входа в казарму, запуская по две тройки тех, кто еще не помылся.

— В каком смысле другая? — уточнила я и сделала вид, что вообще ни разу не подумала о том, что я и в самом деле другая. Кто его знает, какая эта Аннет была до того, как я оказалась в ее теле?

— Мы знали, что маршал получил уведомление о вашем прибытии. Он был очень недоволен. Ну, в том числе вашим отцом...

— Так, может, кто-то уже скажет, что не так с моим отцом? — устало переспросила я. Как-то день еще не закончился, а у меня уже голова шла кругом.

— Так ведь генерал Гонзо, второй среди генералов его величества, герой Виройнской кампании, участник столкновения на Давецких полях и...

С каждым словом мои брови все поднимались и поднимались вверх. Зачем я вспомнила про Люка Скайуокера? Я же практически угадала. Но понятно, чего все так к папеньке пристали, просто папенька — генерал. Генерал в армии — это хуже, чем казначей на гражданке. В принципе, это объясняло выбор карьеры самой Аннет — ее ли это был выбор, еще вопрос, и то, что звание в итоге у Аннет, несмотря на откровенно низкие баллы, такое высокое. С другой стороны, у нас какой диплом не получи, а все равно лейтенант, так что... Наверное, это был бы вообще удар по репутации, если бы ребенок такого прославленного человека мало того что попал в захолустный гарнизон, так еще и чуть ли не поломойкой.

А он кем попал? А, ну да, ну да...

— Так что, вы ожидали какого-то монстра?

— Нет, лейтенант, что вы, монстры же совершенно другие! — рассмеялась она. — Но смею выразить благодарность за ваше предложение! Запасниками мало кто занимается с тех пор, как маршал Дейс приехал в Нижнерейнск... ой, — она торопливо прикрыла рот, но все же выдавила: — По

крайней мере, мне об этом говорили.

Ну да, начальство обсуждать — последнее дело, скажешь слово лишнее — потом тебе вернется. Но я ее сдавать не собиралась.

— Спасибо, Аттика, буду иметь в виду... А вот этих воинов, — я вяло махнула в сторону основного отряда, — маршал тоже с собой привел? Или они постоянная основа гарнизона?

— В основном привел, они с маршалом с Давецких полей пришли, как и ваш отец, лейтенант. А кого потом перевели...

Ага! Я уже с большим пониманием осмотрелась по сторонам. Предварительное заключение было такое: жил-был королевский гарнизон, в который прикатил некий маршал — куча медалей и вообще молодой-успешный, но неспроста его сунули в такую глушь. Неспроста! Замешан ли тут мой папа?

Прибыл маршал сюда со своим отрядом, верные люди и все такое. И, я была в этом уверена, работу свою маршал делал хорошо — то есть оберегал границы. Это если на них вообще совершались какие-то покушения помимо того, что камней пожрать. А вот то, что кроме основной задачи, получалось у него плохонько. Точнее, он этим не интересовался. Ладно, что не сделаешь для общего блага! Будет мне должен! А еще нагрянет проверка какая-нибудь, и все претензии на меня посыпятся...

Привести в порядок настолько запущенный объект — это не уборщицу приструнить. Дел предстояло немало... слож-

но, но не невозможно.

Я уже видела в воображении, как производится ремонт и какие собственно упражнения стоит ввести, чтобы запасники не выглядели, как... как я, наверное. Я в который раз посмотрела на свой филей — да и на все остальное тоже. Опыт мой подсказывал, что если школьникам нетрудно привить любовь к спорту, то люди постарше крайне неохотно нагружают тело физическими упражнениями. Но тут меня отвлекла какая-то возня, и я поняла, что очередная тройка почему-то не спешит выйти из душа.

— Что тут происходит?! — сунулась я обратно в казарму.
— Прекратить драку!

Четыре широкие спины закрывали мне вид и проход для отнюдь не идеальных запасников. Причем, судя по воплям, кто-то из доходяг кинулся на одну из машин смерти. Да тот мог просто одной рукой этого дрыща переломить. Я была такого мнения: что если тебе дано больше, чем остальным, то стоило эту силу держать в узде, а не швыряться ей направо-налево.

— Ничего такого, лейтенант, — проворчал один из махин.
— Сейчас конфликт будет улажен.

И в его руке прямо-таки огонь появился — сначала крошечный язычок пламени, но в считанные секунды он взвился на пару ладоней вверх, а потом и вовсе стал похож на ленту, которая обвилась вокруг руки несколько раз. Причем следов ожогов или боли я не видела. Эм-м, кажется, я теперь точ-

но знала, что такое пиромантика. Не техника безопасности при работе с огнем точно. Но если владельцу огня никакого ущерба не было, то остальным было не совсем приятно. Особенно тому тощему пареньку, который по дурости или гордости попытался что-то противопоставить громиле.

Может, тощий и был неправ, может, ляпнул что идиотское от страха или замешательства, я видела, как это бывает. А может, основные и сами подстрекнули паренька. Но огнем?! А ожоги мне потом как лечить? И есть ли в гарнизоне медпункт? И трезв ли доктор?.. Не он ли там с первого курса не просыхал?..

Вопросы пронеслись у меня в голове табуном — нужно было как-то остановить пламя, внутри в ответ на мысли как-то странно закололо, а потом руки сами по себе дернулись, а пальцы свело в странной распальцовке и...

Звук был такой, как будто ночью в полной тишине кто-то нажал на кнопку слива на унитазе — зашумела вода, пахнуло холодом, а пальцы обожгло. И поток воды — самой настоящей! — быстрой горной речушкой хлынул вперед. Секунда — и все мокрое: весь коридор вплоть до душевых, запасники, четырех мускулистых шкафа и мои ботинки.

— Конфликт улажен, — прокаркала я, повернувшись на каблуках и ровным шагом вышла. Внутри вспыхивали вопросы. Это как? Нет, что это могло быть, я догадывалась, фильмы все-таки смотрела, с магией в книгах знакома. Но если вокруг меня не плод моего подсознания, не выдуман-

ный мир, то... Как оно действует?! Я что, и правда только что создала поток воды?

А, так вот что значило офицер-аквамант.

Глава седьмая

Полезный навык, подумала я. По крайней мере, отпал вопрос, как я буду принимать душ у себя в ванной. А как я буду принимать душ? Какой, если точнее? Правильно, холодный, потому что вода у меня получается холодная, ну или приглашать кого-то подогревать. С этими мыслями я вышла из барака и решила где-то присесть, надо было обдумать все — аквамантику, воду, свои навыки и другие штуки. Камень, нагретый солнцем, как раз для этого замечательно подходил.

Ну не то чтобы меня пугала холодная вода, контрастный душ — замечательная вещь, вот только контрастный, а не ледяной. И очень желательно, чтобы температура воздуха была комфортная. С этим, как я подозревала, тоже будут проблемы, если я не вспомню, как ее, пиромантику, конечно.

И — тоже? Я подняла голову, рассматривая плац... не плац... нечто, скажем так, чтобы цензурно. Куда ни ткни, тут проблемы, там проблемы, а рыба — и тут я оглянулась на основное здание, в котором, наверное, так и продолжал дрыхнуть маршал — рыба гниет с головы! Я бы эту голову... Постригла для начала, потому что какой пример он подает подчиненным? «А как у вас, Анечка, такие показатели хорошие?» — стандартный вопрос среднестатистического школьного физрука. А как ты, солнце мое, собираешься прививать детям любовь к здоровому образу жизни, когда

из-за пуза собственных ног не видишь, разве что в зеркале?

Итак, сначала постригла, потом бы оторвала. Папа-генерал прикроет, если что.

Правда, вот же зараза, живот-то теперь у меня тоже был, а маршал, к моему тайному сожалению, и его основной отряд были не тростиночками, но бревнами ровными, без излишеств! И в чем тайна такого расслоения, мне тоже предстояло узнать детальнее.

А так казарма на ладан дышит. Душевую лучше вообще красной лентой обнести или разобрать от греха подальше. Запасной состав занят чем угодно, только не строевой подготовкой и чем там еще. Точнее, подготовка-то у запасников была, какие-то занятия, но так, постольку-поскольку. Основной состав смотрит свысока и даже не козыряет, а ведь объект режимный!

Это я еще не видела ни столовой, ни прачечной, ни медчасти. Готова ли я к такому шоку? И надо же все-все перепроверить, побывать на всех мероприятиях, сунуть нос в каждый угол... Замечательно, что мое тело вспомнило, как гасить конфликты — водой, как котов по весне разнимать, — но вот еще было бы здорово, если бы в мозгу включились и армейские дисциплины. Сейчас, положив руку на сердце, мне и «троек» было выдано за глаза и с огромным кредитом доверия...

Пока я соображала, за что хвататься, хотя стоило все до конца обойти, чтобы масштаб катастрофы представлять уже

хоть в каких-то подробностях, откуда-то раздался гонг.

Я подскочила. Тревога? Походило, что да. Кажется, кто-то ходил мимо, пока я раздумывала на камушке, как богатырь — налево пойдешь, направо завернешь... А тут мои родимые запасники как горох из разорванного мешка высыпались из всех дверей и щелей и проворно понеслись куда-то в направлении основного здания. Мне тоже нужно было бежать, вздохнула я, и вздохнула потому, что не знала, как давно Аннет бегала.

— Обед, лейтенант! Вторая смена — наша!

Аттика. Я и забыла о ней, а она по стойке смирно торчала рядом с моим «памятником», как караул возле мавзолея, а теперь вот заглядывала мне в глаза. С очень просящим выражением.

— Что — обед? — не поняла я. — Это разве не тревога?

— Тревога тоже гонг, но это обед.

— А откуда ты знаешь, что не тревога?

Зачем я это спросила? Кажется, Аттике это ни разу не приходило в голову. Брови ее сначала поползли вверх, потом съехали к переносице, потом снова взметнулись домиком — по части мимики моя помощница могла дать триста очков вперед любому британскому актеру.

— Ладно, пошли, — смиловилась я. — Покажешь.

— Побежали? — предложила Аттика.

— А почему не пошли?

Я ожидала, что брови снова придут в движение, но это

мне в пору было изумляться.

— Потому что если пойдем, ничего не останется, — легко пояснила Аттика и даже запрыгала на месте. Ну, побежали так побежали...

За эти несчастные триста метров я поняла три вещи. Первая: личный состав горазд бегать. Вторая: на короткие расстояния. Третья: я не горазда даже и на такие. Вес бегать в принципе не мешал, так-то тело Аннет привычное было — ноги-руки двигались, а то, что мне психологически все не так — ну это уже стоит строить планы на будущее. У двери столовой — такой, не особо приметной, дверь как дверь, никаких надписей, чтобы враг не догадался, и возле нее уже никого не было — я остановилась, оперлась на косяк и часто поверхностно задышала. Восстанавливалась недолго, постепенно заставила тело дышать правильно. Организм воспринял такие неожиданные нагрузки с неприязнью. Потому-то и не особо полезно вдруг бежать за автобусом даже спортсменам. Без разогрева и растяжки, да.

Но Аннет — офицер, тоже, елки-моталки, пример для подчиненных... Хотя о чем это я, и в моем мире не каждый полицейский пробежит хотя бы километр, не каждый военный в строю топает.

Аттика тоскливо, как кот на пустую тарелку, смотрела внутрь. Из столовой доносились крики, но такие, не агрессивные, видимо, пока еды всем хватало. Или просто народ между собой не ссорился. Но вот нам с Аттикой могло и не

достаться, поэтому я, все еще тяжело дыша, медленно выплыла в столовую.

Конечно, я привыкла к спартанским условиям. Вспомнить сборы — где мы только не ели. Про походы я и не говорю. Ну, обшарпанные столы. Стойка раздачи — за ней столько народу, что, собственно, ее и не видно. Потолки низкие, ряды липучек для мух, места новичкам на них уже не осталось, и они уныло жужжали, не зная, куда прилепиться. Пол деревянный, но чистенький, отполированный сотнями тысяч ног. Лавки крепкие, монолитные, меня точно должны выдержать. Хотя если оглянуться, я еще и не самая кругленькая.

Аттика осторожно подергала меня за рукав, и я направилась к раздаче — судя по ажиотажу, надо было торопиться. Конечно, меня пропустили, все-таки офицер, и мне открылось все великолепие гарнизонной кухни.

Нет, финансирование из королевской казны производилось. Это было видно по количеству разносолов. Например, салат, по виду напоминающий наш традиционный оливье, но без колбасы, горошка и майонеза, только картошка и огурцы, только хардкор! Рядом — то, что я могла бы по доброте душевной назвать селедкой под шубой, это если включить эту самую доброту на максимум, чтобы повара не обидеть: свекла, чуть окрашенная майонезом, и из всего этого великолепия торчит, агрессивно показывая всем, насколько блюдо далеко от оригинального, костлявый рыбий хвост. То есть рыба там если и не имелась, то подразумевалась — беспспор-

но.

С выражением крайнего недоумения я пошла вдоль раздачи. Макароны, снова макароны, о, каша десертная, серая ячменная, в которую порезаны яблочки: явно на килограмм крупы — один дохленький фрукт. Супы в двух громадных кастрюлях уже, к сожалению, дохлебали, но это было хоть что-то не такое убойное по калорийности, и я ткнула в остатки каши и одинокую куриную кость. Из овощей — грустные стебли квашеной капусты, размазанные по металлическому лотку.

— Добро пожаловать! Что-то еще, лейтенант? — с восторгом спросил меня повар. Или не повар, или он питается по остаточному принципу, больно уж худ. Чему ты радуешься, парень?

Я повернула голову влево и оценила количество выпечки. Вот ее бы хватило на три таких гарнизона, тем более что она и так осталась в изобилии. И выпечка свежая! Что это за еда? Солдат должен быть в теории сытый, а это значило — первое, второе и компот с плюшкой. Но не плюшками же одними питаться! Хотя наестся-то всем этим можно легко... я оглядела столы, за которыми личный состав с наслаждением уписывал макароны, закусывая их булками. Ну...

— Откуда столько булок?

— Так мы и печем, — разулыбался повар и покосился за спину, там маячила еще пара таких же тощих личностей. Ага, а на раздаче один, потому что уже раздавать нечего?

— После того, как помагичишь, как раз самое то булочку съесть! Питательно!

— А есть что-то такое же питательное, но не такое... ядерное? — спросила я, нахмурившись. Булок мне не хотелось, не из-за лишнего на бочках, а просто что-то неправильное в сказанном было. Основной отряд же не выглядел пончиками, а они по идее тоже магию применяли. Можно было, конечно, и булки, один день роли никакой не сыграл бы, но все же не стоило, раз настроилась на более здоровое питание. Вот только есть ли шанс, что дальше ситуация с питанием изменится? — Я не знаю, овощи?

— Овощи съели, лейтенант! Или вот, капусточка! — обрадовал меня повар. Я покосилась капусточку, потом на Атику — ну да, она честно предупреждала.

— Есть речные рапаны! — повар понизил голос. — Для господина маршала оставили! Вчера выловленные!

Ага, а этот горлопан, однако, тут устриц жрет. Рапаны, конечно, ни рыба, ни мясо, да еще и какие-то речные... Разве они бывают речные?

— Давай рапанов, — скомандовала я. — А маршал что будет есть?

— Так ему уже обед отнесли, первые-то уже пообедали, а рапаны это так, — повар пожал плечами. А и правда, то уже не моя беда.

Я взяла еще обычную воду — вместо компота, потому что что-то подсказывало, что сахара в нем чуть больше, чем в

«кока-коле». Аттика взирала на меня с недоумением, но ей удалось урвать немного цветной капусты, пирожок с той же капустой и пол-яйца, и я решительным движением поделила наше второе пополам. Рапаны с капустой — такое себе удовольствие, но остатки талии надо беречь. Аттике-то что, а я на пирожок не повелась.

— Странно, — сказала я, выковыривая рапана из раковины. — Еда есть, но она очень бедная... неправильная, кто придумал такое меню? Где мясо? Нормальный белок в достаточном количестве?

Да, где мясо? Неужели мясо ушло на тех, кто первым приходил? Или повара припрятали... Вот был бы повар как-то посолиднее, я бы ему задала этот вопрос, но очевидно, что ему достаются последыши. Хорошо, если не из чужих тарелок. Рыба где? Одну несчастную тушку напотрошили в подкрашенную майонезом свеклу. Яйца? Впрочем, вон у Аттики половинка, а по скорлупе, которая уже валялась повсюду, было ясно: в большой семье... Значит, на завтрак я приду самая первая. И надо еще глянуть, что есть первая смена. А то дискриминация такая, что злость берет! Понятно, откуда вечные булки, если есть нечего, кроме них!

Аттика всосала все свое и теперь ковыряла рапанов, задумчиво так, будто сомневаясь.

— Ешь, — приказала я. — А мясо где?

Мясо, хоть котлеты, хоть части курицы, сыр, я не знаю, сливочное масло, нормальные жиры, рыба нормальная,

больше каш, а не макарон, вдоволь яиц или омлет? Суп на всех и в достаточном количестве, серый хлеб, а не булки. Компот пристойный или молоко. Салат из овощей, да пусть даже нормальный картофельный салат. Солдат, так же как и студент, хочет есть сытно и по расписанию. Тогда и силы есть нормально заниматься.

Аттика пожала плечами. Ну, это тоже, в общем, ответ... Только он меня не устраивал. А все понемногу рассасывались, относили подносы на стойку, убирали за собой столы, что в целом означало наличие какой-то дисциплины. Я воспользовалась ситуацией, подошла к повару и покашляла — громко так.

— Это что, — спросила я, указывая на опустевшую раздачу, — каждый раз такая еда?

— Вам не понравилось, лейтенант?

У него был такой разочарованный взгляд, что мне его стало жалко. Старался же парень, в конце концов. Но я ответила честно.

— Вкусно. Если говорить о самой еде. И капуста хорошо приготовлена. Только... макароны, булки, все это отлично, конечно, но — где мясо? Где рыба? Ее что, не привозят?

А не привозят, кстати, откуда? Рапанов под боком выловили, значит, есть река. А мясо. Тут столько ехать — никакое мясо не доживет. Может, в этом причина? Хранить негде? Но пока я прикидывала оправдательные варианты, повар что-то решил и откинул створку дверцы.

— Пойдемте, покажу вам кое-что, лейтенант. Может, вы мне поверите!

Аттика, конечно, увязалась за нами. Повару это не понравилось, но давать задний ход он уже не мог. Ну, кухня хорошая, чистенькая. Как и положено, на кухне сидит наряд и чистит картошку на вечер... мама моя, целый мешок картошки! Как в лучших анекдотах про армию. Еще несколько поваров в колпаках проследили за нами взглядом, но ничего не сказали, видимо, здесь самый худой был за самого старшего. Но из кухни мы вышли, прошли по светлому коридору, и повар толкнул тяжелую дверь.

— Хранилище, лейтенант!

— Тебя как зовут?

— Рядовой Ким Стрего, лейтенант!

Ну... я осматривалась. Непонятно было, как все это работает, гудения генераторов я не слышала, а дубак в хранилище был конкретный. Вот овощи, вот яйца, вот картошка... голод нам не грозит, вот маршальское меню — отдельно отмечено. Оно у него поперек горла не встает — это же осетрина, большущая, зараза! Когда личный состав давится булками... Хотя какой-то странноватый у этой осетрины душок.

— Подарок от щедрых отцов-основателей Нижнерейнска, уже третий месяц висит... Смотрите, лейтенант, к нам все раз в месяц обоз привозит, — рассказывал Ким. Ага, значит, локальный мухлеж исключаем. — Овощи, фрукты, рыба, мясо...

— Ну и где оно? — спросила я. Стеллажи были почти пустые. Три дохлые куриные тушки, спрятанные под тенью осетра, не в счет.

— Не знаю.

— То есть как это так?

— Обычно. Сразу после того, как привозят, оно вроде бы есть... мы с ребятами все делаем по технологической карте, — Ким очень смутился и отвернулся. Врет, не врёт? — А потом приходишь и... вроде бы все так, но не так. Пропало. Ну то есть не пропало, конечно, а... На норму по этой самой карте раз — и не хватило...

А? А куда оно делось тогда? Если завозят по норме и готовит он по норме? Миши съели? Комбат Миша, замполит Миша, зампотех Миша... Так, что ли, как в анекдоте?

— А маршалу ты говорил? — уточнила я. — Ну, что привозят недостаточно мяса?

— Да достаточно привозят, лейтенант, — подала голос Аттика. — Я сама как дневальный несколько раз поставки принимала. Он правду говорит, и все об этом знают.

— Но молчат, — хмыкнула я. Впрочем... понятно. Кто-то крысит еду из своих? Но куда он ее деваает? Здесь даже не продать никому! Украдкой жрет? Так мясо испортится. Рыба тоже. Это же еще готовить надо. И казарма не располагает к уединению. — Если каждый раз недосчет, то что в конце месяца происходит тогда? Раз в месяц продукты привозят?

— А в конце месяца у нас рапаны, — пожал плечами по-

вар. — Или караси, или куры деревенские. Что принесут местные, то и едим. Но на кухню выделяют не так много денег, да и откуда их взять...

Я посмотрела на Аттику, потом на Кима. Было ясно как день, что у них примерно схожие мысли. Еду привозят как положено, готовят как положено, сожрать ее никто вроде тоже не мог, а еды нет...

— А деревня далеко? — Может, туда и продают мясо?

— Очень. Часов шесть пешком, если на бронезавре — три, четыре...

— Ладно, — пробормотала я. Какие загадки. И ведь это немало еды! Кто ее в таком количестве потребляет? Было бы еще хоть кому продавать, но ведь некому! Портится? Нет, тогда бы чего скрывать и тем более удивляться?

Так что вышла из столовой я задумчивая и озадаченная. Мы немного походили еще по территории, осмотрели строения для живности — ну, крылатые кони, подумаешь, морды, кстати, у них было какие-то крокодилы, так что ближе подходить я поостереглась. Ни спортивной площадки, ни бассейна, хотя какой бассейн в армии? И да, я при всем своем великолепии была все еще грязная, так что прогулку я свернула и отправилась в казарму. Аттика сказала, что мне уже должны были принести форму и привести комнату в надлежащий вид. О, даже так?..

Иметь в своем подчинении кучу народа, конечно, здорово. Ну не то чтобы комната была выдраена. Не то чтобы

ей вообще могло что-то помочь. Но ребята постарались на славу, а еще мне притащили несколько комплектов одежды. Так как надевать чистое на очень грязное тело мне было совсем не с руки, я, стараясь не думать о том, как у меня тогда при тушении огня вышло, зашла в свою крошечную ванную и обомлела.

Нет, в моем звании имеется плюс. Потому что в баке уже была вода — теплая, а еще меня снабдили мылом, мочалкой, полотенцами — полное довольство, как и положено, и все это новое. Черт. Со снабжением все хорошо, почему же вокруг-то такая задница?

Кстати, о ней... Я себя рассмотрела в деталях, стараясь не слишком расстраиваться. Калипера у меня не было под рукой, но опыта хватало: ничего утешительного. И это если не брать в расчет то, что тело у Аннет давно забыло все физические упражнения. Ничего, все наладится. Придется помалу, осторожно, увеличивая нагрузки постепенно, доводить ее до кондиции. В крайности бросаться нет смысла, тут нет ни тоников, ни спецпитания, да и врачей хоть каких я еще не видела. Мало ли, что можно себе потянуть. А времени у меня впереди — семь лет. Очень много, главное — не давать себе вкряй расслабляться, а чуть-чуть можно. Все-таки меньше стресса — лучше идет процесс.

Когда я вышла из ванной, поняла, что вот сейчас мне просто необходимо удила отпустить. Просто потому, что всего слишком много. Я приняла как-то как должное все происхо-

дшащее, а надо бы переспать с этой мыслью. Вдруг завтра накроет. Или я вообще в больнице очнусь? Да, маршал будет орать-лютовать, но, если честно, и черт с ним. Я чувствовала, что меня реально ведет, как будто я не спала несколько суток. Один день можно? Но только один. График отложу на завтра.

Продолжая себя успокаивать, что у меня форс-мажорная ситуация, что мне необходимо лечь и поспать, иначе все будет плохо, я разобрала форму, переоделась в синенькую пижамку — тоже форменную, штаны сошлись, но плотновато сели. Ничего, ткань такая, что растянется, а потом с тренировками и вовсе свободнее будет. У Аннет молодой организм, поменять питание, внести в распорядок дня упражнения... Нет, не буду сейчас об этом. И все остальное я отложила уже на потом. Плевать, что на улице еще ясный день. Надо будет — разбудят.

Кровать оказалась на удивление удобной. Я поерзала, устраиваясь под одеялом. Белье новое, пахнет еще чем-то промышленным, а какая здесь промышленность-то вообще... Но на этой мысли меня вырубил окончательно.

И я так и осталась навсегда без понятия — будил ли меня кто, приходил ли или все вздохнули свободно — кот из дома, мыши в пляс. Последнее было весьма вероятно. Я спала, ничего мне не снилось, и, может, это у Аннет был такой здоровый и крепкий сон, а может, мне это было необходимо...

Но проснулась я, не сразу осознав, где я, кто я, что проис-

ходит. Была какая-то кутерьма — это я понимала. За убогим окошком метались пятна света и долбил не переставая гонг.
— Тревога! Боевая тревога! Боевая тревога!

Глава восьмая

Тревога? Это как?.. Откуда гонг? В моем сонном сознании не сразу сошлось — где я и что делаю, что это за комната. Но через тонкие двери уже доносились вопли и дружный топот ног, так что память вернулась быстро. Другой мир. Гарнизон. А я — лейтенант этого гарнизона! Пока сознание вяло обрабатывало информацию, тело резво перевернулось на бочок, заняло вертикальное положение и принялось собираться с очень даже основательной скоростью. Я старалась особо не вмешиваться в бессознательное. Раз полезное, так зачем портить такую привычку — что-то определенно нужное в королевском колледже Аннет привили. Пижама в два счета оказалась на кровати, потом в прыгнуть в штаны, впихнуть ноги в ботинки, запахнуть рубаху — и все это под мысленный счет разминки «раз-два-три-четыре». Вот так вот встретились две профдеформации. Ритм был хорош, его не сбил даже дробный стук в дверь.

— Что?! — я открыла стучащему уже при полном параде, то есть в одежде и при эполетах.

— Тревога, лейтенант! — отрапортовала Аттика — глаза заспанные, пуговицы криво застегнуты, шнурки в ботинках висят.

— Я поняла, что тревога, — поморщилась я, — ты шнурки завязывай и одновременно вводи меня в курс дела. Что за

тревога, что нужно делать? Учебная? Настоящая? Ситуацию поясни.

— Настоящая, лейтенант! Основной отряд уже поднят, наша задача следить, чтобы на стены никто не прорвался, а если прорвался, то не путаться под ногами! — оттарабанила она.

О как! Не путаться под ногами... Ну да, а что еще могли делать те, кто обучен, но кое-как. Или обучен, но не тренирован. И еще нормально не ест. В принципе, можно поблагодарить маршала, что он ребят на передовую не бросает. Все же не настолько он долбоклюй хотя бы в этом.

— Какие возможности у нас? — меня вот зацепило это «пока никто не прорвался». А кто должен прорваться?.. — С кем сражаемся?

— Так морлоки! Только какого вида морлоки, мы порой и не знаем, пока основной отряд не притащит туши. Рейнский лес сразу за стеной начинается, там разные водятся, стаи постоянно меняются, дерутся за территорию. Здесь крепость стоит уже которое столетие, от морлоков и строили. Чтобы Нижнерейнск и деревни защитить. Ну, помните из истории про Великий пожар в Рейнском лесу?

— Да-да, — для вида кивнула я, но тут вдруг висок кольнуло — и я поняла, что и правда помню. Не все и не слово в слово, но рассказать было что. — Сожрали даже деревья, да? Не говоря уже о людях, домах и скоте. Десятилетиями здесь охота велась, а поселенцы пришли и того позже...

— Вот-вот! Они такие и есть, местные морлоки.

— Пойдем, хочу глянуть, как и что происходит.

Мы бодрым шагом вывалились из барака, и гонг здесь орал еще сильнее, но хватало и других звуков. Снаружи была ночь, но везде где только можно жгли факелы и костры, а иногда и в руках огонь держали. Ну с этим я уже сталкивалась. Я увидела запасников у столовой, там собралась группа из них и поваров, видимо.

— Почему они не в убежище? — указала я на стоящих снаружи.

— Морлоки не летают, но кое-какие могут прыгать. А если он на столовую упадет? Лучше уж в компании, — затараторила Аттика и потянула меня за рукав куда-то на обшарпанную стену крепости.

Двадцать ступеней вверх мы проскочили почти мгновенно, я резко выдохнула и забыла как дышать. Крепость гарнизона со всех сторон была окружена стенами в несколько рядов: самые высокие были вокруг жилых помещений, вокруг замка, более низкие — со стороны дороги и населенных территорий, и тоже высокие, но пострадавшие, местами полуразрушенные стены там, где на их границе вырастал огромный лес. Таких лесов не могло быть на Земле или же я просто не все программы «Дискавери» успела просмотреть. Над общей темной массой на фоне уходящих двух лун — полупрозрачных, белесых — возвышались такие гиганты, которые, наверное, с небоскребами можно было сравнить.

Между стенами пылала земля и на фоне огня метались фигуры — человеческие и другие — больше, гротескнее, ужаснее. У них были вытянутые морды и длинные конечности. Они гулко трещали, когда прыгали вперед и пытались подмять под себя добычу. Их было много, куда бы я ни бросила взгляд, там обязательно находилось трое-пятеро этих созданий. Но основной отряд, как бы дико это ни звучало, справлялся.

В общем, мясо они свое не зря ели и тренировки не пропускали, и на особом счету явно не просто так были. Что там говорила Аттика — что маршал их с собой привел? А подполковника этому нахалу дали небось на поле боя, сразу под победу... Там же победа была, да? То есть сейчас я смотрела на как бы элитных бойцов, которым позволяли вольности из-за качества их работы. Увы, такое случалось почти всегда и везде. Талантливым спортсменам, таким, которые все быстро запоминают и осваивают, тоже поблажки дают и в пример ставят. Вот только не всегда оно на пользу идет. Без дисциплины, без тренировок даже самый талантливый может ошибиться, сломаться или... да много этого «или».

Но сейчас я не думала о каких-то привилегиях, дискриминациях и другом, сейчас я офигевала от происходящего. Основной отряд разделился по группам — где два, а где три человека, каждый со своей магией. Группы явно были подобраны так, чтобы дополнять друг друга. Иногда это было двое пиромантов — и они буквально возводили огненную

стену, перемещали ее, превращали огонь в ленту и жгли нападавших чудищ. Иногда это были аквамант с аэромантом — кажется, на том фланге огня было меньше, зато что-то ревело как ураган. Геоманты работали под присмотров пиромантов: один совсем рядом с нами укреплял стену, второй на поле боя замедлял морлоков, создавая болото, затягивая противника в жижу.

От вида уходящего в землю по макушку морлока я сжалась, вспомнив свое неудачное купание в грязи. Да, так и травму заработать можно было, но я быстро взяла нерациональную панику под контроль и руки свои под этот же контроль взяла, потому что пальцы уже начали сплетаться как-то по-особому.

— Лейтенант! — это к нам подбежал один из запасников. Я молча кивнула, все равно не помнила их еще в лицо, надо будет потом хорошенько с каждым познакомиться, возможно, поговорить наедине. — Докладываю, лейтенант! Столовая, медчасть, склад взяты под присмотр!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.